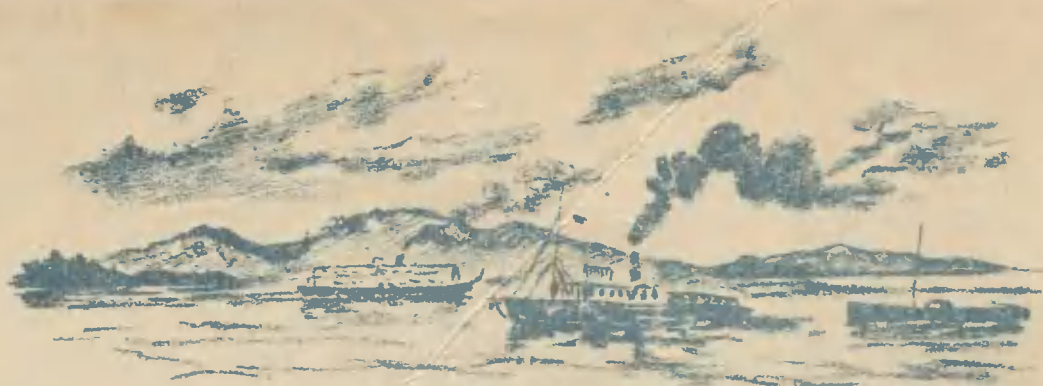

КОСТЁР

1

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ 1945

НА ВОЛГЕ

Борис Шмидт

Садами, сквозь лазейки, по бурьянам,
Приятели спешили налегке.
Их друг — Володя, гимназист Ульянов,
Бежал навстречу с удочкой в руке.
А над великой матушкой-рекою
Высоко проплывали облака,
Пронизанная солнцем и покоем
Их отражала плавная река.
И в этот час томящей знойной лени,
Когда, казалось, не взлететь стрижу,
На пристани царило оживленье:
С утра зерно грузили на баржу.
И, к тяжелой ноше издавна привыкнув,
Шли грузчики с мешками на плечах.
— Эй, паренек, здорово! — кто-то крикнул.
И грузчику Володя отвечал:
— Здорово! — и с улыбкою радушной
Он прыгнул в лодку. Лодка понеслась.
— Не миновать дождя нам... Слишком
душно, —
Сказал друзьям он, весело смеясь.
А там — в садах симбирские предместья,
Над ними полдня солнечный шатер.
... Вот брошен якорь в самом тихом месте.
Но клева нет. К чему талить костер?!
Перекусили в деревеньке ближней,
Покинули гостеприимный дом,
Довольные своей бродячей жизнью,
Опять на лодке плыли за плотом.
Потом Володя захотел причалить.
Причалили. Втроем сошли на плет.
В костре поленья весело трещали,
И бородатый вокруг сидел народ.
Все небо затянуло серой байной,
И теплый дождь накрапывал слегка,
Бренчала заунывно балалайка.
Кто лапти плел, кто пел про ямщика.
Подсесть бы к ним и стать еще счастливей,
Спросить плотовщина, куда плывут*, —
Подумалось Володе.

Страшный ливень
Вдруг разразился в несколько минут.
— Отчаливай!
И, как всегда, упрямо
Сквозь темень лодку к пристани ведя,
Володя видел беспокойство мамы,
Он только это видел и упрямо
Гнал лодку в шумных зарослях дождя.

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

На Урале в маленьком городке жила девочка Таня. Здесь она родилась и выросла, но считала себя ленинградкой.

— Я в Ленинграде по всем улицам пройду и не заблужусь, — говорила Таня подругам. — Я его хорошо знаю, как наш город.

И правда, Таня знала Ленинград. Но знала только по картинкам из толстого папиного альбома. Папа сам переплел его в красивую обложку и наклеивал в него снимки Ленинграда. Снимков в альбоме накопилось очень много, а папа собирал и наклеивал еще и еще.

Бывало, возьмет Таня альбом и начнет осторожно перелистывать страницы, а папа рассказывает ей разные истории о домах, улицах и площадях, изображенных на картинках. Иногда выберет папа какую-нибудь картинку и спрашивает:

— Что это такое?

— Это — университет, — отвечает Таня, — а рядом, вот эта, с колоннами, — Академия Наук.

— А что напротив?

— Знаю, знаю! — говорит Таня и быстро находит картинки, — адмиралтейство, собор и памятник Петру на коне.

— Молодец! — похвалит Таню папа. — Вырастешь — поедешь в Ленинград учиться. Сама найдешь университет и дорогу спрашивать не придется.

Танин папа очень любил Ленинград. Он был ленинградец, но уехал оттуда давно, еще до рождения Тани. В первые годы революции немало ленинградских рабочих-большевиков поехало в разные районы Советского Союза помогать налаживать там работу. И танин папа поехал на Урал.

Он жил здесь много лет, но мечтал когда-нибудь вернуться в Ленинград.

— Вот поседем в колхозах хлеб, посадим картошку, и я буду проситься, чтобы меня отпустили, — говорил он каждую весну.

— Вот уберем хлеб, сдадим все, что получается, государству — можно будет и домой собираться, — говорил он осенью.

Проходили годы, а танин папа попрежнему работал на Урале. Он решил, что обязательно вернется в Ленинград, когда Тане придет время поступать в университет.

— Вот здесь, по набережной, будешь ходить на лекции в университет, — говорил папа, показывая Тане картинки в альбоме. — А жить мы будем где-нибудь поблизо-

сти, на Васильевском Острове. Я, когда был молодым, работал там на одном заводе.

И он показал Тане снимок завода и ворот, в которые входили на завод рабочие.

— И я в эти ворота входил, — говорил он. — И Михаил Иванович Калинин — он тоже здесь работал еще до революции. Только тогда этих домов рядом не было — их уже после моего отъезда понастроили.

И Таня и ее папа радовались каждому новому дому, площади, саду, памятнику.

— При мне здесь пустыри были, а теперь вот какой красивый сад. Посмотреть бы на него! Ну, да приеду — увижу.

Но больше всего танин папа хотел поглядеть на памятник Ленину у Финляндского вокзала.

Большой снимок с этого памятника красовался на обложке альбома. Под снимком была выведена подпись красной тушью. „Сооружен Ленсоветом 7 ноября 1926 года. Отлит на заводе „Красный Выборжец“, проект В. Шуко и С. Евсеева“.

— Как живой! — в который раз говорил папа, рассматривая памятник. — Я-то знаю, я ведь встречал Ильича, когда он в семнадцатом году приехал. Вот так и стоял он на броневике, протянув руку. Пальто на нем распахнулось, под пальто — серенький, простой костюм, из кармана кепка торчит. Как он крикнет — „Да здравствует социалистическая революция!“ — у нас всех сердца точно на крыльях к нему полетели... Да, вспомнишь — сразу помолодеешь! Как приеду в Ленинград — прямо к памятнику!

Таня столько раз слышала рассказ о приезде Ленина, что ей казалось будто она сама была там. Однажды на пионерском костре она рассказала о встрече Ленина. Ребята слушали ее внимательно, но потом кто-то сообразил, что в 1917 году Тани еще и на свете не было. Все стали смеяться над Таней. А она покраснела и закричала:

— Все это правда! Это все мой папа видел! Он там встречал живого, настоящего Ленина! А я поеду в Ленинград и увижу памятник, а на памятнике все сделано так, как было тогда!

Ехать в Ленинград решено было в 1941 году. Но летом началась война, и танин папа не мог оставить район. Таня — уже комсомолка — стала работать на железной дороге, а мать — в госпитале.

В редкие свободные минуты, когда вся семья собиралась вместе, папа доставал свой альбом. Ленинград был теперь окружен немцами, они бомбили и обстреливали город. Ленинградцы терпели голод и холод, но не сдавались. И танин папа говорил:

— Не бывать немцам в Ленинграде! Помню, в девятнадцатом году Юденич тоже к самому городу подошел, но Красная Армия разбила белогвардейцев. И теперь то же будет!.. Эх, жалко, стар я! А то бы...

Трудны и тяжелы были годы войны, но шли они быстро. В январе 1944 года Красная Армия сняла блокаду Ленинграда. Для таниного папы это был самый счастливый день за всю войну.

— Что я говорил! — кричал папа. — Я сразу сказал, что не бывать немцам в Ленинграде! Ну, теперь скоро войне конец, и мы двинемся!

Но вышло иначе — Таня попала в Ленинград еще до конца войны. Как только начали вербовать молодежь на восстановление Ленинграда, Таня записалась первая.

— Правильно, Татьяна! — одобрил папа. — Поработай, как подобает ленинградке. И как приедешь в Ленинград, первым делом иди к памятнику у Финляндского вокзала.

Всю дорогу Таня думала, что поезд придет в Ленинград с Финляндского вокзала — прямо к памятнику. Но поезд подали к Московскому. Таня вышла на площадь и оробела. Все кругом было не так: памятника перед вокзалом не оказалось, прямо с площади разворачивался длинный проспект. И где-то вдалеке сквозь туманную дымку виднелось знакомое здание адмиралтейства.

Таня решила добраться до места сама, никого не спрашивая. Она закинула за плечи свой мешок, подхватила чемодан и смело пошла по Невскому.

Невский был знакомый и незнакомый. Вот Дворец Пионеров — это знакомо, а мост перед ним незнакомый. На фотографии в папином альбоме на мосту стоят прекрасные кони, а здесь их не было. Вот Гостиный Двор — это знакомое. Но на картинке мимо нарядных витрин Гостиного Двора идут нарядные люди, а здесь — закопченные проемы окон закрывала фанера и огромные плакаты.

Так, узнавая и не узнавая Ленинград и ни у кого не спрашивая дорогу, добралась Таня до общежития.

Работать пришлось Тане в бригаде, где девушки были приезжие — вологодские, калининские и уральские, как и она. Они совсем не знали Ленинграда, и Таня, как когда-то на пионерском костре в школе, рассказывала подругам о городе, который они восстанавливали.

— Откуда ты все это знаешь? — удивлялись девушки. — Ты же приезжая, такая же, как мы!

А Таня отвечала:

— Я приезжая, но я — ленинградка.

Она часто рассказывала девушкам о том, как в 1917 году приехал сюда Ленин, как его встречали на Финляндском вокзале рабочие, солдаты и матросы.

— Как-нибудь в выходной день я вам покажу Ленина, — говорила она. — Он стоит на броневике, пальто на нем распахнуто, под пальто — простой серенький костюм, а из кармана кепка торчит.

Но выходного дня долго не было — с работами по восстановлению домов спешили и работали без выходных. Поехать на Выборгскую сторону удалось только через несколько месяцев. В трамвае Таня волнова-

Однажды она очутилась у Смольного и в саду, перед входом, увидела памятник Ленину. Он был совсем не такой, как на обложке папиного альбома — без пальто и не на броневике.

— Наверное, папа все спутал! — решила Таня. — Но я ему об этом ничего не буду писать, — зачем его огорчать.

Самой ей было немножко грустно — Ленинград без Ленина на броневике казался ей осиротевшим.

Таня проработала в Ленинграде уже год, и вот однажды весной 1945 года ее послали на Выборгскую сторону:

лась, точно ей предстояла встреча с живым Лениным. Она даже пригладила волосы и заправила под берет все кудряшки.

Но когда девушки вышли на площадь — Ленина там не оказалось. Площадь, изрытая воронками, была пуста. Только перед вокзалом высилась какая-то огромная дощатая башня, а около башни были камни и кучи песка.

Где же Ленин? Таня растерялась. Она обошла всю площадь, заглядывала за углы всех улиц, но памятника нигде не было. Девчата шли за ней и посмеивались:

— А еще говорила, что ленинградка!

Таня вернулась в общежитие огорченная и в первый раз не ответила папе на письмо.

Таня никому не сказала о своей неудаче и продолжала искать памятник в разных районах города. Все было напрасно: Ленина на броневике — нигде не оказалось.

— Там небольшая, но срочная работа, — сказал прораб.

Таня поехала и в трамвае взглянула на адрес: „Финляндский вокзал“ — было написано на бумажке. Сердце ее тревожно забилося, но тут же она сама себя успокоила:

— Наверно, пути чинить.

На площади все еще стояла дощатая башня, вокруг — камни и песок.

— Берись за тачку, — крикнул ей бригадир. — Вози вон туда!

Она стала возить, поглядывая на девушек, которые, стуча топорами и ломами, отдирали от башни доски. Под досками был песок и больше ничего.

— Эй, курносая! — крикнула ей сверху одна из работавших там девушек. — Залезай сюда, помоги мне!

Таня взобралась на высокую грудку песка, осыпавшуюся вокруг башни, и потянула за конец доски. Доска оторвалась. Таня поте-

ряла равновесие и схватилась за что-то твердое, — это был уголок бронзовой кепки, засунутой в бронзовый же карман. Что это такое, знакомое и родное?

— Девушка, — прошептала Таня, превозмогая гордость. — А что здесь?

— Не знаешь? — удивилась девушка. — Ну, вот, сразу видно, что приезжая. По дожди, разберем доски — сама увидишь.

Доски отрывались одна за другой, падали вниз, и под ними открывался песок, оплетенный корнями трав. Растения пробивались сквозь щели, и тонкие корни их были похожи на клубки спутавшихся ниток.

Вот упали последние доски, и над площадью поднялась фигура Ленина. Он стоял на броневику и протягивал вперед руку.

— Ленин! — крикнула Таня. — Девушки,

ведь это Ленин. Тот самый, на броневику.

К утру памятник был открыт, и прохожие останавливались, чтобы посмотреть на Ленина, возвышающегося над площадью. А Таня, такая счастливая, пешком возвращалась к себе в общежитие. По дороге она зашла на почту, чтобы отправить папе телеграмму. Таня долго думала, перепортила много бланков и виновато оглядывалась на людей, ожидающих, когда она освободит ручку и чернильницу.

— Я сейчас, — бормотала она, — через минутку...

Наконец, глубоко вздохнув, она написала: „Я его искала, не могла найти, теперь сама открыла, поклонилась за тебя, не сердись задержку, целую. Таня“.

Сказка И. Карнауховой

Ленин в Россию приехать должен был, Владимир Ильич. Всполошились все русские буржуи. Царя-то тогда уже не было, а буржуи сидели крепко. Сейчас, это, они свой буржуйский совет собрали. Сидят они такие сиятельные, ослепление от них во все стороны, и поохивают:

— Охо-ох-ох, тошнехонько, нельзя этого Ленина до народу допустить, сейчас нам конец придет. Что делать?

— Убить его надо — и никаких.

— Солдат послать.

Послали они в казармы за солдатами. А в казармах уже рабочие гостями сидят.

Вот рабочие тем солдатам и говорят:

— Вы, товарищи, еще большой в себе страх имеете, его в вас сотни лет вколачивали — быстро не вылетит. Так чтобы вы от страху какого вреда не наделали, залепите вы себе уши воском и страху не услышите.

Эти солдаты так и сделали — уши воском заленили.

Пришли они во дворец, от сиятельного совета ослепление идет... Солдаты в струнку по-хорошему вытянулись, а буржуи их уговаривать стали. Солдаты-то ничегошеньки не слышат, стоят, как идола, и глаза выпучили. Только, как по уставу полагается, нет-нет да по старой памяти „так точно“ гаркнут.

Буржуй один разливается:

— Должен приехать человек один. Знаете вы...

— Так точно!

— Говорят, что он человек хороший...

— Так точно!

— А он злодей большой, он нас всех уничтожит.

— Так точно!

Буржуи тут разгневались, давай на солдат кричать:

— Бунтовщики! В Сибирь пошлем!

А солдаты не слышат, у них и страху нет.

Стоят себе спокойно. Что с ними сделаешь? Так и выгнали их без дела из дворца.

А уж в казармах, как им рабочие уши разлепили да все разъяснили, — ну и смеху было!

А буржуи сейчас раздумались за мужиками послать.

— Эти-то с землей да с избами, не солдаты-голяки, они с нами заодно будут.

Пришли мужики во дворец.

Стал буржуй один соловьем разливаться:

— Приедет завтра в Россию Ленин, вы его, мужички, убить должны.

— А за что?

— Он у вас, мужички, хочет землю отнять.

— А какая у нас земля?.. На могилу нехватает...

— Да он у вас избы, дворы заберет.

— Ну, уж избы, так избы, — дыра на дыре, решетом подшита. Не жалко.

— Скотину выведет...

— А где у нас, господа почтенные, скотина? Лошаденку с обозом на войну угнали, коровенку за подати забрали. У нас скотины — блока в овине, сверчок на печи.

Ну, видят буржуи, что и с мужиками им ходу нет. Залопотали, затопотали, мужиков взашей выгнали.

Сидят, советуются. Ленина бояться, чуть не плачут.

Что делать?

— Надо ученых людей звать.

Мало их таких, что нашу руку держат, а есть. Они должны придумать. Они все на свете понимают, — и землю, и воду, и мороз, и солнце.

Притащили на креслице ученого, такого, что еще за буржуев стоял. Сам он и ходить не может — стар больно.

Буржуи ему наказ дают, чтобы завтра Ленина, как приедет, уничтожить. Подумал старикашка и говорит:

— Вы наши благодатели, все по-вашему сделаю, напущу на него и мороз, и ветер, и солнце. Что мороз не заморозит, то солнце иссушит, ветер выдерет.

Сел он за свои книги, инструменты взял и всю природу в покорность привел.

Вот и день настал, Владимир Ильич приехал. Народу на площади — яблоку не упасть. Тихо — мухе не пролететь. Вынесли его рабочие на руках, на броневик поставили, — стал Ленин про жизнь говорить...

Тут ученый на него мороз и выпустил: — Ступай, до смерти его заморозь, это самый главный враг есть.

Вышел мороз — да на Владимира Ильича.

Только раз на него пыхнул — смотрит. Что такое? Солдаты шинелюшки с себя снимают, на Ленина набрасывают. Рабочие куртки поскидывали, ноги ему прикрывают.

Пыхнул еще разок и видит — женщина рукавицы с себя сняла, Ильичу дает, а он отказывается, не берет.

А мальчонка маленький:

— Возьми, дядя, — говорит, — я мамке свои отдам.

„Что ж это? — мороз думает. — Кому он враг, уж не ребятам ли?“

(А мороз с ребятами первейший друг.)

Тут мороз одумался, понял все:

— Не след мне против всего народа итти. Обманули вы меня, обманули, ну и мы вас обрадуем.

А как, — он наперед не сказал, так и вам наперед знать нечего, будет время — узнаете. Только стал он с ветром да с солнцем советоваться.

Ленин стал говорить. Народ слушает, дышать боится. А мороз слушает и дело делает. Только Ленин слово скажет, только народ то слово услышит, мороз то слово сейчас и заморозит. Крепкие слова льдинками круглыми наземь падают, легкие, нежные — снежинками в небе летают. Вот уже все дома кругом ледяным кружевом изукрашены, звездами снежными увешаны, в небе снежные облака плывут, на площади пух лежит.

Кончил Ильич.

Как завоюет тут ветер, как налетит! Подхватил слова-льдинки, слова-снежинки, по всему миру разнес. Через леса понес, через горы, по запутанным тропам, по кривым поворотам, по полям, по лугам, по деревням. Не осталось в мире ни одной щелюшки, ни одной деревнюшки, ни в нашей стране, ни в чужих местах, куда бы льдинку, снежинку ветер не закатил.

Да и вышло тут солнце. Пригрело, прижарило, растопило снега и льдинки. Зазвучали Ленина слова по всему миру, по всему свету. В чужих странах солнце тише греет, понемногу льдинки оттаивает. А у нас прислушайся — по полям, по лугам, по лесам, в больших городах и маленьких, на Камчатке и в Кремле, на море, и на реке — всюду Ленина слова.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

В одном из самых ранних своих стихотворений, в «Балладе о синем пакете» Николай Тихонов писал:

«А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.
Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.
Как телеграмма летит земля,
Ровным звоном звенят поля».

Так может писать только молодость, безбоязненно и жадно устремленная в будущее.

В нынешнем году Николаю Тихонову исполняется пятьдесят лет. Но вот строки в одном из последних его рассказов «Кавалькада»:

«Мне захотелось движения яростного, захватывающего дух. Я ударил коня камчой, и он рванулся из кавалькады, выскочил вперед и, прижав уши, закусывая трензельные кольца, помчался галопом... В такой скачке есть большая прелесть. Это веселое занятие».

Молодая влюбленность в движение, жадная любознательность, творческое любопытство к тому, «что вас ждет за поворотом тропы», никогда не изменяли Тихонову.

Николай Тихонов — один из зачинателей советской поэзии, советской литературы. Его имя впервые появилось в нашей литературе в 1920 году. Рядовой боец, прошедший две войны, не раз глядевший смерти в глаза, раненный в одном из боев, Тихонов в первых же созданных им строках заговорил суровым и мужественным языком, и народ сразу признал своего поэта. Тихонов стал широко известен в первый же год вступления своего в литературу. И одним из самых первых его произведений была известная поэма «Сами», посвященная Ленину.

В жизни и творчестве ведет Тихонова великая «жажда творить», которую он воспел в первом своем стихотворении, открывающем первую его книгу. Зрелость обострила и укрепила револю-

ционную силу его творчества и развила то «чувство нового», которое всегда присуще Тихонову. Его не может смутить никакая опасность, вдруг встающая «за поворотом тропы». Вооруженным и готовым к очередному бою он встречает ее. Тихонов — боец и в жизни и в творчестве.

Очень быстро, в какой-нибудь год—два, Тихонов занял одно из ведущих мест в нашей литературе. Максим Горький не раз с восторгом и любовью отзывался о его стихах. Но Тихонов не почил на лаврах. Смело и решительно пошел он к новым достижениям. В то время, как подражатели на разные лады повторяли его баллады, он оставил эту форму, уже слишком узкую для него, и устремился вперед, ища новых средств для выражения чувств и мыслей советского народа. И если внимательно проследить его творческий и жизненный путь, то в непрестанном движении легко увидеть крутой и трудный подъем к вершинам нашей эпохи.

Совсем еще молодой автор баллад он в начале своего пути молчалив и замкнут в обществе «стариков», но неудержимо весел и разговорчив в нашей молодой компании, в красноармейской аудитории, в клубе милиционеров или среди моряков Балтфлота. Он громко читает стихи, рассказывает, и ничто не стесняет его.

Богатейший жизненный опыт, опыт участия в войнах и революции пополняется новыми впечатлениями. Все самое обыденное и привычное приобретает в его глазах и в его стихе острую прелесть новизны. Тихонова влечет к путешествиям, к изучению родной страны, и после книги «Брага», посвященной героине гражданской войны, появляется новая книга «Поиски героя», где под одной обложкой уместаются стихи о Карелии и о Кавказе и где все объединено единой неутомимой мыслью:

«Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу — неутомим.
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим».

Тихонов скромно назвал себя в этой книге разведчиком, но он был уже вожаком молодежи, которая шла по его следу, доверяя ему и участь у него. В Карелии, на Кавказе, в Азии — везде Тихонов искал и находил своего героя. «Герой неподдельно новый» выступает выпукло и ярко в его стихах и поэмах.

Поэзии сопутствовала проза — книги путешествий, такие как «От моря до моря», как «Кочевники» или «Рискованный человек» и, наконец, такие как известная повесть «Война».

Тема Родины, темы борьбы за советское государство, тема обороны пронизывает все творчество Тихонова. Возникнув в романтических балладах о гражданской войне, в поэме «Сами» вознесясь к имени Ленина, эта тема, развиваясь и углубляясь, определяет жизнь поэта. Он горд сознанием, что принадлежит советскому народу.

Общественная деятельность Тихонова началась одновременно с его вступлением в литературу. Член правления Союза Советских Писателей, он вскоре становится одним из основных руководителей Союза, редактором журнала „Звезда“, талантливым и деятельным участником общественной жизни Ленинграда. Не только в стихах и в прозе, но и в публицистических статьях он громит врагов народа и находит яркие и выразительные слова для изображения простого советского человека, героя своих книг и героя нашей эпохи. Отличный оратор, он выступает на общегородских собраниях с докладами, речами, всегда образными и точными, сжатыми, полными патриотического чувства.

На международном конгрессе в Париже, как советский делегат, Тихонов острым писательским словом громит фашизм.

Мировое признание шло к нему, а он оставался все тем же нетребовательным в быту, непритязательным человеком. Помню, как в тридцать седьмом году, живя в дачке рядом со мной на берегу Финского залива, он, босой, каждое утро пробегал мимо с ведрами к колодцу. Он оставался таким же простым, как и в двадцать первом году, когда входил в мою комнатку с новыми стихами. За двадцать пять лет знакомства ни разу я не заметил в нем хоть сколько-нибудь заносчивости. Он — подлинный демократ.

У Николая Семеновича собирались обычно самые разные люди — альпинисты, географы, биологи и художники.

Увлекательный рассказчик в своих произведениях, Тихонов не менее увлекателен в устной беседе. Он всегда полон самых разнообразных историй, случаев, жизненных эпизодов. Порой, слушая его, удивляешься, до чего он неистощимо богат опытом и знаниями.

Его кавказские странствия создали ему крепкую связь с народами Кавказа, а его прекрасные переводы грузинских поэтов вошли в золотой фонд советской поэзии.

А когда пришла война с белофиннами, Тихонов, как старый солдат, надел военную шинель. С первого дня той зимней войны 1939-1940 гг. Тихонов неутомимо работал во фронтовой газете, совершая вместе с войсками длительные боевые походы по снежным дорогам и мерзлым болотам Карельского перешейка.

Тихонов часто говорил и писал, что писательскую деятельность он понимает, как деятельность государственную. Перечисление всех его общественных должностей, которые были у него еще до последней войны, заняло бы целую страницу. Избранный на съезде писателей в правление Союза Советских Писателей, редактор многих книг и журналов, он также состоял в руководстве Антифашистского Комитета, Всеславянского Комитета и так

далее, и так далее. Он был избран депутатом Городского Совета депутатов трудящихся. Он все везде поспевал делать, строго и точно распределяя свое время. И при этом он много и хорошо писал стихи и прозу, очерки и публицистические статьи. Одна книга следовала за другой, и в них выражалась все та же государственная мысль Тихонова. Его писательская работа — подлинно государственная работа.

Тихонову исполнилось 45 лет, когда фашистская Германия напала на нашу Родину. Беспартийный большевик, он вновь надел военную шинель. В тяжчайших испытаниях блокады Ленинграда его голос раздавался по всей стране, по всему миру, как выражение непреклонного мужества и решимости. Надо иметь огромную творческую силу, чтобы создать в этих условиях, в каких жил он, — в непрестанной смертельной опасности, в голоде и темноте, при срочных и постоянных боевых заданиях, — такие произведения, как „Киров с нами“, „Ленинградские рассказы“ и другие. В одном из первых своих рассказов этого периода он назвал немцев карликами и назвал столь искусно, что образ немца-карлика и красноармейца-богатыря стал зрительно ощутим, хотя он дан через восприятие мальчика. Этот рассказ „Карлики идут“ принадлежит к лучшим достижениям Тихонова-прозаика.

Тихонов — очень цельный человек. Он работает в полную силу, потому что знает: его работа нужна родному народу и родной стране.

В годы блокады, выступая в печати и по радио, Тихонов как писатель прекрасно выражал чувства и мысли ленинградцев. После разгрома немцев под Ленинградом, советские писатели единодушно избрали Николая Семеновича Тихонова председателем Союза Советских Писателей СССР, — первым после Горького председателем Союза.

Тихонов изъездил всю Европу и, вернувшись в СССР, написал книгу стихов „Тень друга“. В этой книге поэт дал отчетливые характеристики стран Европы и предсказал многое из того, что свершилось.

В стихотворении „Возвращение“ Тихонов писал:

„Но куда б по свету не бросаться,
Не найти среди других громад
Лучшего приморского красавца,
Чем гранитный город Ленинград.“

Старый ленинградец, защитник нашего города от белогвардейских банд Юденича в гражданскую войну, защитник „приморского красавца“ — Ленинграда от немецко-фашистских полчищ в годы Великой Отечественной войны, писатель Николай Тихонов, как депутат Верховного Совета СССР, оправдает доверие народа. Залогом тому служит вся его жизнь и все его творчество.

М. Слонимский

БОЙ С МОРСКИМИ РАЗБОЙНИКАМИ

Радуле Стийвенский

Рис. Б. Семенова

Не взбесилось Ядранское море,
Не бушуют морские ветры.
Не желают кипучие волны
Вашу родину заневолить.
Это входят в Которскую бухту
Боевые разбойничьи бриги,
Узкогрудые бригантины,
Черновымпельные корветы,
Чернопарусные фрегаты.
Над флотилией этой хищной,
Словно вороны, вьются тучи.
Нет, не тучи, как вороны, вьются,
А разбойничьи длинные флаги
Развеваются над кораблями,
И на каждом — оскаленный череп,
И на каждом — скрещенные кости.
Томаш Томашевич садится
На могучего Джерджелеза,
И его Джерджелез приносит
На цветущий берег Приморья.
Прискакал и спешилсЯ Томаш,
Снял опанки из буйвольей кожи
И вошел по колено в море.
И поймал за высочие мачты
Две увертливые бригантины,
А потом два трехмачтовых брига,
А потом изловчил он в бухте
Черновымпельные корветы.
Захватил еще напоследок
Чернопарусные фрегаты
И подвел корабли боевые
К трехсотлетней дубовой роще,
К черногорским надежным деревьям;
Крепким поясом привязал их,
Как чабан коней на леваде;

И плеснул в корабли по горсти
Горьковатой воды ядранской,
Оторвал корабельные пушки
От самшитовых палубных таблей,
Сунул пушки в керман и уселся
Подле рощи широкошумной,
На флотилию черную глядя.
А разбойники, чуть увидели,
Что попали гиганту в руки,
В трюмы — вниз! — как пугливые крысы,
И — молчок! Шевельнуться не смеют.
Тут старшины разбойничьи стали
Теребить своих подчиненных,
Тыкать им кинжалами в спины:
— Сто дюдик и акула в придачу!
Триста сорок ножей вам в глотку!
Все на борт, ленивые черти!
Вам бы лучше таскать орехи
У торговков в Александрии,
Чем разбойниками называться —
Побратимами бури и смерти!
Выходите наверх, негодяи,
Или за ноги вас повесят,
Чтобы вы болтались на реях,
Словно синие баклажаны! —
И старшинам своим подчинились
Перепуганные матросы,
По две пинты рэкии хлебнули.
Очень храбрыми стали сразу.
На большом адмиральском фрегате
Под названием „Дьявол Ядрана“
Появился носматый разбойник,
Стал на юте и выкрикнул в рупор:
— Адмирал бесстрашного флота,
Грозный джин Дердыр средиземный,

Дал приказ побратимам бури:
 Черногорского идола спутать
 Крепкими якорными цепями
 И заставить служить адмиралу —
 Средиземному джину Дердыру.
 Дозволяем презренному диву
 Отвести флотилию нашу
 От зеленой дубовой рощи,
 Сняв немедля ременные путы
 С боевых кораблей адмирала,
 Воду выкачать всю до капли
 Из обширных трюмов корветов,
 Бригантин, фрегатов и бригов,
 Возвратить адмиралу все пушки,
 Вынув их из кармана, и снова
 По самшитовым таблям расставить.
 И когда исполнит все это
 Дикий идол, согласно приказа,
 Мы ему дозволим наполнить
 Корабельные трюмы товаром.
 А когда он и это исполнит,
 Мы его прикуем железом
 К боевому фрегату, который
 Именуется „Дьявол Ядрана“,
 Да послужит он краном подъемным
 При погрузках, а также разгрузках.
 На приказе печать адмирала —
 Человеческий череп и кости.
 И когда крикливый разбойник
 Опустил свой серебряный рупор,
 Томаш встал и надел опанки
 На могучие мокрые ноги
 И покликнул сокола-друга,
 И вскочил на коня Джерджелеза,
 И промолвил голосом трубным:
 — Корабельная крыса-глашатай!
 Передай адмиралу Дердыру,
 Что возрос я под наблюденьем
 Дядьки-грома и молнии-няньки;
 Я по крови — прямой черногорец,
 Плоть от плоти земли каменистой,
 Кость от кости скалистого кряжа.
 Нужели я стану бояться
 Ваших огненных стрел и проклятий,
 Если кровь мне отдать не жалко
 За мою прекрасную землю?
 Мне осталось от деда наследство:
 Меч зеленый, илииной ковки,
 Я извлек буздован заповедный
 Из груди земли черногорской,
 Сочол мой не ведает страха,
 Конь мой — конь не простой, — железный, —
 Передай своему адмиралу,
 Чтобы он готовился к бою,
 Пусть морские разбойники выйдут
 На зеленый которский берег! —
 И морские разбойники вышли
 На зеленый которский берег,
 Ятагами потрясая.

Разбойники поют:

Волки злые! Львы цепные!
 С нами страшный джин Дердыр,
 Мы разбойники морские,
 Мы ограбили весь мир!

Гей-о-гей! — нежданные гости!
 Гей-о-гей! — череп и кости!

Разлетимся и ударим,
 Протаганим, перебьем,
 Всех изжарим, пережарим,
 Все, что можно заберем!

Гей-о-гей! — нежданные гости!
 Гей-о-гей! — череп и кости!

В этот миг стрелки адмирала
 Дали залп из трехсот самокресов.
 Вскрикнул Томаш от боли мгновенной,
 Размахнулся мечом и ударил,
 Первый ряд скошил, что косою,
 Буздован опустил над другие —
 И вошли разбойники в землю.
 Кони ржут в корабельных конюшнях,
 Их заковывают в кольчуги,
 Из конюшен выводят на воздух,
 И старшины разбойничьи в латах
 На коней красноглазых садятся
 И бросаются на юнака.
 Скачут, скачут арабские кони,
 На конях — капитаны лихие —
 Джинны лютые в черных тюбанах;
 Из кошачьих зрачков капитанов
 Шаровые молнии брызжут,
 Опаляют юнацкие щеки,
 Перекапываются под одеждой,
 Забиваются в нос и уши.
 Томаших отстраняет руками
 И раздавливают, обжигаясь.
 Сходит наземь с коня Джерджелеза
 И его Джерджелез понимает:
 Правым боком на землю ложится —
 Шестерых капитанов губит;
 Левым боком на землю ложится —
 Остальных превращает в тесто.
 Тут взвиваются коршуны стай,
 Злые коршуны адмирала,
 Застят солнце, как черная туча,
 Их встречает могучий сокол,
 Убивает изогнутым клювом,
 Разрывает крепкими когтями,
 С поднебесья на землю швыряет.
 Но слабеет могучий сокол,
 Кровь теряя в неравном сраженьи,
 Одолеть проклятых не может
 И, закрыв глаза, упадает
 На плечо своего побратима.
 Между тем, привязанный к дубу,
 Встрепенулся „Дьявол Ядрана“,
 И огромное черное знамя
 На бизани его развернулось.
 На борту корабля появился
 Адмирал Дердыр — окаянный,
 Пучекий и зеленоликий,
 Длиннорогий джин средиземный.
 Он сошел на зеленый берег,
 Начал пыжиться точно лягушка
 И в одно мгновенье ока
 Стал как Томаш высок и вырвал
 Ятаган стопудовый из ножен
 И на Томаша замахнулся.
 Сталь о сталь ударила звонко,
 Изумрудные искры взметнулись,
 И дердыров клинок распался
 На бесчисленные осколки.
 Адмирал завертелся и взвился
 Черным шаром под самое небо,
 И упал на меч заповедный,
 Наколосся, проклятый, и треснул
 Оглушительно, словно бомба,
 И его лягушечья шкурка
 На клинке чародейном обмякла.
 Томаш Младший лягушечью шкурку
 Зашвырнул в глубокое море,
 Вытер пот со лба и разлегся
 На помятых приморских травах
 Отдыхать после жаркого боя.
 Шевельнулся израненный сокол,
 Разомкнул голубые веки
 И поздравил юнака с победой.

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О ДРУЖБЕ

Л. Браусевич

Рис. П. Луанского

Двое в ледяной пустыне

Беспросветная полярная ночь. Два путника бредут через ледяную пустыню. С трудом поднимают они опухшие от голода ноги. В пистолетах — по последней обойме патронов, за пазухой — последние сухари. А путь до жилища еще очень далек.

Молча они расстилают на снегу меховые спальные мешки и забираются в них на недолгий отдых. Один из путников не может заснуть: он думает. Вот он выполз из мешка, вынул из пистолета обойму, оставил в стволе один патрон, достал последнюю горсть сухарей. Он завернул все это в свой спальный мешок, подложил его под голову спящего и пошел прочь.

Спящий не проснулся, когда где-то вдали раздался одинокий выстрел. Авскоре легкая снежная поземка замела следы и тело ушедшего человека, который своим хлебом и патронами решил сохранить жизнь другу.

Почему так поступил человек в ледяной пустыне? Потому что он был настоящим, товарищем, настоящим другом. Ведь говорится же в русской пословице: „Больше той любви не бывает, когда друг за друга умирает“.

Что такое дружба?

Из очень далеких времен пришло к нам это русское слово — дружба. Пришло оно из богатых дружин. Дружинниками назывались воины, копьем и мечом защищавшие свою родную землю. Народ сохранил много песен о дружбе дружинников. Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович до сих пор живут в памяти народа, как истинные боевые друзья.

Дружба — это братство. Недаром в русской пословице говорится: „Друзья прямые — братья родные“. Дружба — это большое и сложное чувство. Дружат между собой только те люди, у которых много общих мыслей, стремлений и заветных желаний.

Кто такие Орест и Пилад?

Вспомним древне-греческий миф об Оресте и Пиледе. Орест, сын царя Агамемнона, отправился в Тавриду — нынешний Крым. Он должен был привезти из далекой Тавриды священное изображение богини Артемиды. Это путешествие угрожало жизни Ореста, потому что у племени тавров существовал обычай приносить в жертву богам всех чужестранцев. Но Орест был не один — его сопровождал Пилад — его друг. Вдвоем они преодолели все бури беспокойного Понта, как называли тогда Черное море.

Вот, они достигли, наконец, Тавриды. Здесь обоих юношей схватили тавры и Ореста решили принести в жертву богине Артемиде. Тогда Пилад добровольно пошел на смерть вместо своего друга. Он без сомнения погиб бы, если бы его не сплела богиня Афина Паллада — их покровительница.

С тех пор про людей, готовых жертвовать собой во имя дружбы, говорят: „Они как Орест и Пилад“. А великий русский полководец Суворов так поучал своих солдат: „Сам погибай, а товарища выручай“.

Самая высокая дружба

Есть дружба, которая связывает людей особенно крепкими узами, потому что она объединяет их в одном стремлении — в служении коммунистической идее. Это партийная дружба.

Владимир Ильич Ленин так писал о дружбе Маркса и Энгельса, великих гениев революции:

„Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе“.

И верно, дружба эта была замечательная. „Я вступаю в дружбу лишь с очень немногими, — говорил Маркс, — но зато дорожу ею...“ И он высоко ставил и ценил дружбу своего ученика и помощника Энгельса.

Маркс жил в большой бедности. Великий мыслитель целиком отдался делу своей жизни — созданию гигантского философского труда — „Капитала“. Если бы не помощь Энгельса, Марксу было бы несоизмеримо трудней закончить свой великий труд. Молодой Энгельс, чтобы дать возможность „дорогому Мавру“ (так называли Маркса близкие друзья) спокойно работать над книгой, много лет занимался ведением дел одной торговой фирмы. Это была большая жертва со стороны Энгельса. День, когда он смог развязаться с фирмой, был счастливейшим днем в его жизни: наконец-то он был свободен от „проклятой коммерции“, которую ненавидел всей своей душой.

Вот что пишет об этой дружбе ученик и зять Маркса — Поль Лафарг:

„Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная привязанность. Каждый из них всегда думал о том, как бы чем-нибудь порадовать друга; каждый из них всегда гордился другом, „Я бы хотел видеть человека, — сказал однажды Маркс, — который не

нашел бы Фреда столь же милым, как и образованным!“

Из современников только один Энгельс мог разобраться в рукописях Маркса. После смерти Маркса Энгельс отложил на время свои работы и всецело посвятил себя изданию двух последних томов „Капитала“.

Дружба, скрепленная кровью

Когда Сергей Миронович Киров юношей жил в Томске, у него был очень близкий друг Кононов. Они вместе вели революционную подпольную работу. Но эта дружба оборвалась. Во время расстрела жандармами революционной демонстрации в Томске Кононов погиб от вражеской пули... Умирая, он сорвал с древка знамя, которое нес впе-

реди демонстрации, и спрятал его на груди под одеждой.

Ночью в покойницкую, где лежало тело Кононова, тайком пришел его друг Сергей Костриков. Он взял спрятанное на груди товарища окровавленное знамя, поцеловал мертвого друга; и когда томские рабочие

хоронили жертвы расстрела, красное знамя борьбы и дружбы снова высоко развевалось над головами революционеров. Так, дело, начатое одним революционером, продолжается его друзьями.

Дружба великих людей

Дружба двух великих большевиков, вождей партии — Ленина и Сталина — началась в 1903 году. В ссылке, в далекой Сибири Сталин получил письмо от Владимира Ильича. Это письмо очень взволновало молодого Сталина, уже тогда видевшего в Ленине человека необыкновенного, которого он потом образно назвал горным орлом партии.

Только через два года встретились эти два замечательных человека. И с этой встречи Сталин стал не только ближайшим учеником и помощником Ленина, но и его любимейшим самоотверженным другом.

В личной жизни Ленин и Сталин были необычайно внимательны друг к другу. Где бы ни находился товарищ Сталин, — оборонял ли Царицын, защищал ли Петроград, создавал ли советские республики в Закавказье, — он проявлял величайшую заботу о жизни и здоровье Владимира Ильича. Такой же любовью и заботливостью отвечал Сталину и Ленин.

„Удивляюсь“, — телеграфировал Владимир Ильич на Северный Кавказ Орджоникидзе во время болезни товарища Сталина, — „Удивляюсь, что вы оторвали Сталина от отдыха, Сталину надо бы еще отдохнуть не менее четырех или шести недель“.

Владимир Ильич заботился об условиях жизни и работы товарища Сталина. Сохранилась записка к коменданту Кремля, в которой Владимир Ильич просил перевести товарища Сталина в спокойную квартиру, торопил сделать это поскорее и написать ему, когда это будет сделано...

Какой ты друг?

У тебя есть товарищ, друг. Ты любишь своего друга, иначе и быть не может, но посмотри на себя со стороны: какой ты друг? Похожа ли твоя дружба на дружбу тех людей, о которой здесь рассказано?

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

В октябре 1905 года по московским улицам торжественно двигалась похоронная процессия. Гроб, увитый красными лентами, несли на руках. Над толпой реял красный флаг, а в морозном воздухе грозно и мощно звучали слова траурного гимна:

„Вы жертвою пали в борьбе роковой...“

Это московские рабочие хоронили своего друга — революционера Николая Баумана.

...Тревожно начался 1905 год. В воскресенье девятого января петербургские рабочие мирно, с иконами и хоругвями пошли просить у царя защиты от произвола заводчиков и фабрикантов. Но царь даже не допустил рабочих ко дворцу и приказал солдатам открыть огонь.

Весть о „Кровавом воскресеньи“ облетела всю Россию.

„Что же теперь делать? Где искать защиты, — думали рабочие, — если и царь встретил народ пулями?“

Большевики говорили: если царь идет против народа, значит его надо свергнуть с престола. Большевики предложили рабочим немедленно начать вооружаться и организовывать боевые дружины.

Рабочие дружно подхватили этот призыв. На многих заводах мастеровые стали делать кинжалы, топоры и пики.

В деревнях в это время начали бунтовать крестьяне, — отбирать у помещиков землю, поджигать помещичьи усадьбы.

Началось возмущение среди солдат и матросов. На Черном море команда броненосца „Потемкин“ арестовала своих офицеров и увела корабль в море.

Всюду происходили митинги.

В Москве на митингах горячо выступал Николай Бауман. Это был выдающийся революционер. Тщетно выслеживали его жандармы, он был неуловим. На помощь жандармам пришли самые ярые защитники самодержавия — „Черная сотня“. Черносотенцы выследили Баумана и убили его. Это убийство вызвало всеобщее возмущение. Поэтому-то так многолюдны были похороны Баумана.

Тем временем революционное движение все разрасталось. В Петербурге и Москве возникли Советы рабочих депутатов — они должны были руководить восстанием. И вот в декабре московский совет объявил, что пора начинать восстание.

Десятого декабря на московские улицы вышли рабочие, студенты, женщины, подростки, старики и начали строить баррикады. Всё пошло в дело: бревна, доски, мебель, бочки, ящики. „Стук стоял по всей Пресне — казалось, будто рубят лес“, рассказывает очевидец. За один только день было построено больше тысячи баррикад.

Но силы были неравные: против двух тысяч дружинников стояло пятнадцать тысяч солдат.

Весь город замер. Закрылись магазины, школы и театры. Перестали выходить газеты. Приостановилось уличное движение.

И вот войска начали штурм баррикад. Они разрушали одну баррикаду, а за ней вырастала другая. Стойко держались дружинники, много героизма проявили они. В одном доме укрепилось тридцать рабочих. Неравный бой продолжался четыре часа. Пятсот солдат не могли сломить сопротивления горсточка смельчаков.

На помощь восставшим рабочим спешили вооруженные железнодорожники. Эшелон, в котором они ехали, на одной из станций был обстрелян, но машинист Ухтомский мужественно вел состав и проскочил засаду, а через несколько дней он был зверски расстрелян жандармами.

На Пресне рабочие сопротивлялись особенно упорно. Поэтому против них направили пушки. Вспыхнули пожары.

Кровопролитные бои долго не прекращались, и только тогда, когда у дружинников стали иссякать патроны, совет решил прекратить восстание. Группами и поодиночке стали отходить дружинники. Они прятали оружие в подвалах, закапывали его в землю, зная, что оно еще пригодится.

Когда вы будете в Москве, непременно пройдите по Красной Пресне, где сорок лет тому назад происходили самые ожесточенные бои революционеров с самодержавием, и вспомните, что здесь, на Пресне, развернулись самые героические страницы первой русской революции.

И. Иволгин

СЕМИМИЛЬНЫЕ САПОГИ

Лауреат сталинской премии Георгий Ильич Бабат рассказывает о своей работе

.... Когда людоед заснул, мальчик-с-пальчик тихонько стащил с него сапоги, надел их и побежал. В минуту он умчался за тридевять земель, в тридесятое царство...

Эту сказку я любил в детстве больше всех остальных.

Долгие века люди мечтали о крылатых сандалиях, о ковче-самолете, о семимильных сапогах. Но лишь полтора столетия тому назад человек подчинил себе пространство. Из страны в страну пролегли блестящие полосы рельсов, и сила пара помчала поезда быстрее ветра.

Позже люди заставили работать на себя электричество. Всем хорош электрический мотор. Скорость его плавно регулируется. Он не боится ни жары, ни мороза, хорошо берет с места. Но электрический мотор привязан к проводам, по которым к нему подводится энергия от центральной электростанции.

С первых же лет развития промышленной электротехники смелые мечтатели начали искать способы передачи электрической энергии без проводов. В конце прошлого столетия известный изобретатель Никола Тесла хотел насытить электрической энергией огромные пространства над поверхностью земли, чтобы этой энергией можно было пользоваться и кораблю в океане и дирижаблю в воздухе. Но у него ничего не получилось.

Лет через двадцать после опытов Тесла проекты беспроводной передачи энергии разрабатывал французский ученый Леблан. Я был начинающим радиолюбителем, четырнадцатилетним мальчишкой, когда впервые увидел в журнале „Мир приключений“ рисунки транспорта будущего, каким представлял его Леблан. По широком проспектам мчались странного вида автомобили и мотоциклы. К ним были приделаны приспособления вроде рыболовных сетей — черпаки электромагнитной энергии — так значилось в пояснительном тексте. Других объяснений к рисунку не было, но он запомнился мне на всю жизнь.

... Наступила ленинградская зима 41—42 года. От дома до завода „Светлана“, где я работал, приходилось идти пешком двенадцать километров. Узкая тропинка среди огромных сугробов вела меня мимо неподвижных, примерзших к дороге трамваев, автобусов. Мертвая, местами оборванная сеть проводов казалась мне особенно безобразной. Как хорошо бы пустить вдоль главных улиц незримые энергетические реки! А провода снять, очистить небо над городом.

И чем мрачнее становилась действительность, тем сильнее манили мечты о будущем, о передаче движущей силы на расстояние без проводов.

В последние годы перед войной, в лаборатории нашего завода мы разрабатывали новый способ закалки стали при помощи токов высокой частоты. Если быстро нагреть сталь, то можно сохранить

ее сердцевину вязкой и прочной, а поверхность сделать твердой. Быстрый нагрев дают токи высокой частоты, такие, что меняют свое направление много тысяч раз в секунду. При быстропеременных токах электромагнитная энергия может отрываться от проводников и свободно распространяться в пространстве. В наших опытах по закалке стальную деталь охватывали медным витком, и по нему пропускали высокочастотный ток. Десятки киловатт электромагнитной энергии изливались из витка. Эта энергия в немногие секунды доводила сталь до яркого каления.

Я смотрел на раскаленную сталь совсем иными глазами. Стальная деталь удалена от нагревательного витка на два сантиметра. Электромагнитная энергия из витка к стали доходит с малыми потерями. А если удалить сталь на двадцать, на пятьдесят сантиметров от витка, можно ли тогда передавать энергию без потерь?

Но массивная стальная деталь — не лучший приемник энергии. Другое дело, если сделать приемный виток из меди, подключить к нему конденсаторы для уменьшения рассеяния энергии, то энергию, наверное, можно будет передать на расстояние до одного метра. А это вполне достаточно для наземного транспорта, который всегда опирается своими колесами на дорогу.

Под дорогой, в земле, можно спрятать провода, несущие высокочастотный ток, и дорога станет своеобразной рекой энергии, — думал я. Пространство вблизи подземных проводников, над поверхностью дороги, окажется насыщенным электромагнитной энергией. Экипажи будут принимать эту энергию, если их снабдить витками.

Подземные провода не будут рассеивать электромагнитную волну, как антенны радиостанций. Подземные проводники должны возобновлять лишь ту часть энергии, которую потребляют экипажи и впитывает в себя окружающая земля.

Все это я обдумывал в зимние месяцы ленинградской блокады. В комнатке на заводе, где тускло горела свеча, я рисовал схему дороги, насыщенной электроэнергией. Я видел ее в своих мечтах. Вот он широкий, прямой и гладкий великий высокочастотный путь! Нескончаемым потоком, с быстротой ветра проносятся по нему машины. Плоский медный виток окружает каждый экипаж, подобно кольцу Сатурна. Чем больше площадь приемного витка, тем большую мощность он получит от подземных проводников.

Можно сделать моторные ролики с очень небольшими приемными витками, и эти ролики понесут своего владельца по высокочастотной дороге не хуже семимильных сапог из старинной сказки.

В нашей стране от мечты до действительности — короткий путь. Уже в 1943 году в

Москве мне удалось проделать предварительные опыты.

А осенью 1943 года на московском станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе уже строился опытный участок высокочастотного транспорта. В узком проходе между цехами на песчаную подсыпку были уложены без всякой изоляции медные трубки толщиной с палец и залиты сверху цементом и асфальтом. В помещении рядом установили ламповый генератор, вырабатывающий высокочастотный ток.

31-го декабря в полдень мы закончили монтаж подземной тяговой сети и высокочастотной установки.

Все. Можно включать!

Инженер-строитель опытного участка нажимает кнопку автоматического пуска...

Кряк, кряк, бум, бум! На щите управления вспыхивают, как ракеты, сигнальные лампы: зеленые, красные, оранжевые. Несколько мгновений мы смотрим друг на друга: есть высокочастотный ток в подземной линии или нет?

Я хватаю виток провода, простого медного провода с прикрученной к его концам лампочкой накаливания, и выбегаю на дорожку. Поворачиваю виток с лампочкой параллельно поверхности дороги.

Ура! Лампочка горит! Горит полным накалом! Есть ток в подземной тяговой сети! Все пространство над дорогой насыщено энергией. Поворачиваю виток так, чтобы его плоскость была перпендикулярна земле и направлена вдоль дороги. Накал лампочки меняется, но она продолжает гореть. Бегу вдоль всей дороги. Лампочка на витке горит всюду. Все происходит так, как предсказано теорией.

Окружающее кажется мне прекрасным. Вокруг меня не заводской цех, а праздничный зал. Чумазые девушки — ученицы-слесаря, все сказочные красавицы. Они с удивлением следят из-за своих верстаков за моей странной лампочкой на витке...

Через день мы вывели на дорогу грузовую тележку, к которой был приделан приемный виток, площадью около одного квадратного метра. Десятиваттная лампочка накаливания, присоединенная к этому витку, великолепно горела. Но чтобы хоть сдвинуть с места полутонную тележку, нужно было подвести к ее мотору самое меньшее полкиловатта. Виток столько не давал, а я не мог сразу сообразить, как этого добиться.

Непрошенные советники доказывали, что так и должно быть, что одно дело — зажечь лампочку, но никак не удастся получить мощность, достаточную, чтобы заставить двигаться тележку. Раз нигде в мире высокочастотный транспорт не осуществлен, говорили они, то и у нас ничего не получится.

Опыты доставляли мало радости. Я отправлялся экспериментировать на завод с тяжелым чувством. В конце концов, через несколько месяцев, все оказалось очень просто: чуть повысили силу тока в подземных проводниках, подключили побольше конденсаторов к приемному витку, и он стал получать больше киловатта мощности.

Но тут возникли новые затруднения.

Приемный виток получал высокочастотную энергию, а для мотора тележки необходим постоянный ток. Ртутный выпрямитель, на который мы возлагали все надежды, упорно отказывался работать. Пришлось его заменить. Мы поставили на

тележку пару газотронов. Мотор дрогнул, тележка сдвинулась с места и... газотроны перегорели. И снова хотелось все отложить и забросить.

Я начал рыться в учебниках, справочниках, в старинных журналах. И вот в отчетах французской Академии Наук за 1892 год я отыскал сообщение о том, что парижский физик Блондель выпрямлял переменный ток вольтовой дугой, горячей между медным и угольным электродами.

Я взял угольную палочку. Она повезет нашу тележку!

На этот раз нам действительно сразу повезло.

Мы укрепили угольную палочку над медной пластиной. С шипением вспыхнула высокочастотная дуга между углем и медью. Яркий, как от прожектора, свет залил полутемный проход, в котором была проложена высокочастотная дорога. С грохотом помчалась по ней наша тележка.

Был поздний вечер, но болельщики высокочастотного транспорта собрались со всех концов завода. Мы ездили взад и вперед по нашей коротенькой трассе и до полуночи катали всех желающих. Но когда мы успокоились, то увидели, что радоваться, собственно говоря, еще нечем.

Полезная мощность мотора тележки не превышала двух киловатт. Чтобы обеспечить эту мощность, необходимо было подвести к подземной высокочастотной сети почти 50 киловатт. Потери энергии были огромны — 48 киловатт. И мы решили переделать нашу дорогу, чтобы уменьшить потери.

Теперь мы проложили медные трубки на изоляторах. Потери энергии уменьшились более, чем в десять раз!

Но вот беда: тележка наша могла ездить только вдоль проводников. Стоило ей чуть отклониться от оси дороги, и мотор переставал получать энергию. Чтобы обеспечить тележке возможность ездить и поперек проводов и в любом другом направлении, пришлось проложить еще один, третий проводник и наново переделать и тележку, и подземную тяговую сеть, и высокочастотный ламповый генератор.

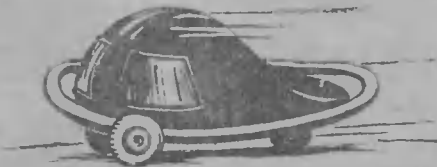
Высокочастотный транспорт — это совершенно новый вид транспорта, но он основан на давно известных физических явлениях и законах. Известные электротехнические схемы и конструкции мы применили в новых, непривычных доселе сочетаниях, размерах и формах. И ушло два года на вычисления и опыты, прежде чем были найдены, в сущности, очень простые, можно даже сказать, примитивные формы первой опытной линии высокочастотного транспорта.

Большая работа еще впереди. Но теперь уже видно, где может быть применен и что может дать высокочастотный транспорт или, как мы его сокращенно называем, „ВЧТ“.

Представьте себе зеркально-гладкие трассы, бегущие среди цветущих садов Украины, по берегу Черного моря, в горах Памира или Урала. Не заботясь о горючем, час за часом, день за днем можно будет катить, наслаждаясь природой и быстрой ездой.

В сказочном мире были известны одни семимильные сапоги, один ковер-самолет. Эти волшебные вещи могли принадлежать одному единственному избраннику. Токи высокой частоты сделают движущую силу доступной каждому, так же, как воздух, как солнечный свет.

ВЧТ чудеснее всех магических вещей старинных сказок.

РУССКИЙ МУЗЕЙ

Е. Волкова

„Михайловский дворец“, построенный в 1826 году,—одно из лучших творений зодчего Росси.

„Ну и подлинно дворец пречудесный,—ни пером описать, ни в сказке сказать“,—говорили современники. „Единственный в своем роде и превосходит всё, виденное нами во дворцах других стран“,—говорили иностранцы.

Массивная чугунная решетка дворца состоит из длинных пик с позолоченными остриями. Вход во дворец охраняют два льва. В центре дворца—стройные высокие колонны, и они делают его похожим на прекрасные классические здания древней Греции и Рима. Во дворце несколько сот комнат с великолепными дверями и прекрасными паркетами, хрустальными люстрами. Когда-то здесь жила княжеская семья из грех человек. В дни празднеств огромные залы украшали цветами, которые привозили из пригородов на сотнях подвод. Но любоваться красотой дворцовых комнат могли лишь немногие избранные.

Дворец стал музеем русского искусства в 1898 году. Но далеко не все петербуржцы могли посещать музей: сюда не допускали людей в простой крестьянской одежде или солдатской шинели. Только после революции сокровища русского искусства стали достоянием всего народа.

В Государственном Русском музее более трехсот тысяч художественных произведений: это картины, рисунки, скульптура, украшения из золота и серебра, изделия из фарфора, вышивки и так далее. Среди них есть очень древние вещи — их возраст свыше тысячи лет. Таковы широкие браслеты — „наручи“, громадные серьги — „колты“, тон-

кие, перекрученные спирально обручи — ожерелья. Все эти украшения были найдены вкладах, зарытых глубоко под землей, или в древних погребеньях. Перед войной ученые раскопали фундамент одной из самых старых церквей Киева и там, в подземельи, обнаружили скелеты людей, прятавшихся во время нашествия татар. Среди этих людей находились и мастера-ювелиры: они взяли с собой в убежище и свои изделия и свои инструменты.

Эти старинные художники создавали чудесные вещи. Нередко они украшали свои изделия „перегородчатой эмалью“. В небольшое углубление пластинки наплавляли тонкие золотые полоски, а потом в каждую образовавшуюся ячейку насыпали порошок цветной эмали. Пластины обжигали и твердую ровную эмаль шлифовали. Это очень кропотливая работа, требовавшая большого мастерства,—ведь каждая эмаль имела свою температуру плавления. Эти произведения древне-русского искусства с X по XVII век представлены в Русском музее.

Самое ценное в Русском музее — это картинная галерея. Здесь собраны произведения художников, начиная с петровской эпохи и кончая нашими днями. Петр I посылал учиться за границу не только мастеров корабельного дела, но и русских художников: „Попались мне навстречу, — писал Петр Екатерине, — Беклемишев и живописец Иван Никитин. А когда приедут к Вам, попроси короля (Августа II Польского), чтобы велел свою персону ему написать; также и прочих каково захочешь, дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера“.

Иван Никитин писал портреты и с Петра: один из них был сделан в Кропштадте, другой в то время, когда Петр лежал мертвым в гробу. Прекрасны черты мудрого преобразователя: ум, величие и спокойствие на его лице; отблеск зажженных свечей слегка отражается на нем. Большое мастерство показал художник в этой работе.

Над изображением Петра работали и скульпторы. Особенно интересна маска, снятая с лица Петра, работы скульптора Растрелли. Она передает в точности все черты царя: глаза немного навывкате, большой лоб, жесткие, короткие усы. Лицо кажется живым.

Вот как снимал Растрелли эту маску: Петр сидел в глубоком кресле, закрыв глаза и рот, и дышал через тонкие соломинки. Скульптор смазал жиром лицо, потом наложил мягкий гипс и снял его после того, как гипс застыл. Затем Растрелли подправлял готовую маску. Она пригодилась, когда

отливали парадный бронзовый бюст Петра и памятник у Инженерного замка.

Со временем у художников появился интерес к созданию исторической картины. Такие темы картин считались единственно почетными для учеников Академии художеств — этой высшей школы будущих зодчих, ваятелей и живописцев.

В громадных двухсветных залах Русского музея разместились произведения первых учеников Академии. Лучшие из них — „Медный Змий“ художника Бруни и „Последний день Помпеи“ Карла Брюллова — одни из самых больших картин в мире.

Брюллов в детстве мечтал стать художником. Слабый, болезненный ребенок, он проводил свои дни в кровати, не расставаясь с карандашом и бумагой. После окончания Академии художеств, Брюллов поехал совершенствоваться в Италию и принял участие в раскопках Помпеи. Он видел развалины города, засыпанного пеплом и лавой, бродил среди них, и в его воображении являлся цветущий город. „Я забываю век, в котором живу, — писал Брюллов из Италии, — мечтаю видеть сей город в цветущем состоянии. Но что это? Я вижу огненные реки, они стремятся, разливаются и поглощают все встречающееся. Дождь песку, золы и камней засыпает пышную Помпею; она исчезает перед моими глазами. Диомед, надеясь найти спасения в роскошном своем жилище, с кошельком золота надеется спастись бегством, но, утопая в золе, лишается сил, падает и остается, погребенный дождем Везувия“.

Все это Брюллов показал в своей картине. Громадное бедствие охватило жителей города. Все бегут, падают. Вот мальчик и молодой воин выносят на руках беспомощного старика, родители укрывают своими одеждами детей, сын помогает ослабевшей матери. Лишь о высоких, благородных чувствах хотел рассказать художник, а жадного Диомеда он смешал с толпой так, что зритель не сразу обратит на него внимание. Мировая слава была наградой художнику за его труд, и картина породила много толков и споров: кому она казалась слишком красивой, кто сетовал, что тема ее чужда нашей истории. Люди хотели видеть в картинах подлинную жизнь русского народа.

Осуществил эту заветную мечту русский художник Илья Ефимович Репин. Кто не знает этого имени? За свою долгую жизнь Репин написал много исторических картин и портретов, — некоторые находятся в Русском музее. Прежде чем создать свое произведение, художник изучал жизнь тех людей, которых изображал. Репин был еще совсем молодым художником, когда он со своим другом поехал на пароходе по Неве.

„Погода была чудесная, — вспоминал Репин, — красивая, нарядная публика веселилась на берегах. И вот вдаль показалось какое-то коричневое пятно. Оно все ближе, и вот уже можно было рассмотреть его — это бурлаки, тянувшие бечевой баржу“.

„Вот невероятная картина. Никто не поверит. Какой ужас — люди вместо скота впряжены“, — говорил Репин своему другу. Эта сцена запомнилась художнику, и позже он рассказывал о бурлаках, их непосильном труде в своей картине „Бурлаки“, написанной уже на Волге.

Любовь к своей стране, к своему народу и его прошлому проявлялась у многих русских художников. В. И. Суриков, великий исторический живописец, показал в своих работах героическое прошлое нашего народа: „Переход Суворова через Альпы“, „Покорение Сибири Ермаком“, „Степан Тимофеевич Разин“. Шишкину, Левитану была особенно близка природа, полянки, стога сена, леса, березовые рощицы, голубые дали озер. Айвазовскому — море, Верещагину — русская военная история.

Много художественных сокровищ хранит Государственный Русский музей. Любить, понимать и знать русскую живопись нужно приучаться с детства. Всегда в Русский музей приходило немало школьников. Они собирались в „школьной комнате“ и оттуда расходились по всем залам музея. А через несколько лет они возвращались в знакомые им залы музея уже инженерами, военными, врачами, артистами, людьми самых разных профессий, но с единым интересом к искусству.

После войны музей открывается вновь. И вы будете посещать его, чтобы научиться понимать и еще больше любить прекрасные творения русских художников.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЗАКЛАД

Е. Боронина

Рис. Н. Кустова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я совершил это преступление в двенадцатилетнем возрасте. Но и самое преступление и все, что сопутствовало ему, так живо в памяти, как будто было это не тридцать семь лет назад, а совсем, совсем недавно.

Мы жили в небольшом городе одной из северных губерний России. Края наши славятся строевым лесом, мастерами-резчиками по дереву, пестро раскрашенной деревянной посудой, деревянными цветастыми ложками. И город, в котором прошло мое детство, был тоже весь деревянный. Дома, заборы, тротуары на улицах — все из дерева. По реке, огивавшей город, после весеннего паводка плыли к Северной Двине бесконечные плоты, и гонщики на плотях пели заунывные песни.

Отец мой служил мелким чиновником на почте. Жалованье он получал ничтожное и, если бы не бабушка, мы бы совсем обнищали. А бабушка моя была искуснейшая кружевница — плела на коклюшках кружева. Да такие тонкие и узорчатые, что не брезговали их носить самые первые модницы в городе. Так и называли эти кружева «власевскими» по нашей фамилии — Власевы. Вот только плести их бабушке приходилось урывками, по ночам, когда все улягутся спать. Все хозяйство по дому и заботы обо мне и сестренке лежали на плечах бабушки да еще приходилось ей ухаживать за моей матерью. Мать болела ревматизмом и почти никогда не вставала с постели. Давно, я еще был маленьким, она зимой переходила реку и провалилась в полынью, еле оттуда она выбралась и добрела домой продрогшая и обледенелая. С тех пор она и заболела. Ей бы нужно было на юг, на лечебные грязи, но денег для этого не было. А сколько отец ни подавал бумаг и прошений по разным ведомствам, чтобы мать отправили на казенный счет, он неизменно получал отказ. Кому было дело до неизвестного, мелкого чиновника!

И как ни надрывалась бабушка, как ни портила себе глаза по ночам за плетением кружев, все равно без ломбарда мы прожить не могли. То одну вещь, то другую бабушка несла в городской ломбард.

За простым некрашеным шкафом, где стояла кровать бабушки, висел

на стене, рядом с образом Николая-угодника, красиво переписанный моею рукою лист. В нем значилось, когда и сколько нужно внести в ломбард денег за перезаклад вещей. То, что попадало в ломбард, не выкупалось годами, а лишь без конца перезаклаживалось.

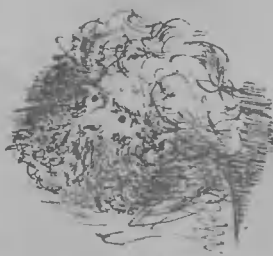
Оценщика, принимавшего вещи в заклад, звали странным именем Хранид. Но бабушка называла его всегда Хранид. Должно быть она это имя производила от слова — хранить. И в нашей семье никто не говорил «отнести в ломбард», а говорили «отдать Храниду».

С тех пор как я себя помню, а помню я себя лет с четырех, этот Хранид часто занимал и тревожил мое воображение. Почему-то он казался мне очень страшным. Даже снился мне по ночам. И всегда одинаково: будто в комнату входит косматый маленький старик с такими длинными руками, что они почти касаются пола. Это — Хранид. Он хочет схватить меня, а я бросаюсь к бабушке и кричу: «Бабушка спаси! Бабушка спаси!» От собственного крика я и просыпался.

Только лет семи я увидел впервые Хранида наяву. На самом деле он был совсем не похож на того косматого старичка, каким создала его моя фантазия во сне. Встретил же я его в церкви, куда меня водила бабушка. Он оказался высоким, тощим человеком с желтосерым нездоровым лицом. Одет он был в длинный черный сюртук, почти наглухо закрытый, с шелковыми отворотами. Стоял он, помню, у левого клироса, прямой, неподвижный, и его лицо было похоже на лица

святых на стенах церкви. Я заметил, что Хранид ни разу не перекрестился во время церковной службы. Когда же я дома спросил бабушку, почему Хранид не перекрестился, она дала мне подзатыльник и сказала, что это не мое дело. Говорили про Хранида, что он человек начитанный и даже образованный, но толком о нем никто ничего не знал. В церковь он ходил, должно быть редко. После своей первой встречи с ним, я видел его там еще раза два, хотя сам бывал с бабушкой в церкви часто.

Однажды я слышал, как отец говорил бабушке, что за все время жизни в нашем городе (Хранид жил тут уже лет десять) он ни разу не по-

лучил ни одного частного письма. Все письма, которые приходили на его имя, были казенные, деловые, касавшиеся, повидимому, ломбарда. Почта в нашем городе была одна, и через руки отца проходила вся корреспонденция. Поэтому-то он и знал об этом.

Жил Хранид при ломбарде, который помещался в небольшом одноэтажном деревянном доме на одной из тихих, непроезжих улиц. Я никогда не видел Хранида ни на улице, ни в городском саду. Жил он уединенно, и семьи у него не было. Прислуживала ему глухонемая пожилая женщина. Эту глухонемую я не раз встречал на улице и всегда старался перейти на другую сторону. Я боялся ее. Рот у нее был всегда полуоткрытым, и смотрела она исподлобья.

Изредка Хранид куда-то уезжал на несколько дней из города. Но куда и зачем — никто не знал, хотя многие любопытствовали.

Я потому так подробно рассказываю о Храниде, что он-то — главное действующее лицо во всей дальнейшей истории.

Осенью, в тот год, когда я перешел в последний класс начального городского училища, бабушка принесла домой пятимесячного котенка. Подарила его жена Порфирьева — владельца лесопильного завода. Для этой мадам Порфирьевой, как ее все называли в городе, бабушка иногда плела кружева.

Котенок был чудо как хорош! Белый, без единого пятнышка, шерсть длинная, шелковистая. Потому мы и прозвали его Снежком. Особенно привязалась к Снежку моя мать. Котенок тоже к ней привязался больше, чем ко всем нам. Бывало часами лежал у нее на коленях и мурлыкал. Чем больше подрастал Снежок, тем становился красивее. Даже мой отец примирился с его существованием, хотя вообще недолюбливал кошек.

Снежка из квартиры мы никуда не выпускали — боялись, что его разорвут собаки или кто-нибудь украдет.

Но весной, как раз за два дня до Пасхи, Снежок исчез. Я и моя младшая сестра Лена обыскали все соседние дворы, но кота нигде не было. Никто его не видел. Поздно вечером я опять отправился на розыски.

Спустившись во двор (мы жили в мезонине, первый этаж занимал хозяин дома), я стал звать кота. Вдруг меня тихо окликнул мой приятель Сёмка. У владельца нашего дома была мебельная мастерская, где работал он сам, приходящий подмастерье и мальчик-ученик Сёмка. Сёмка был круглый сирота и жил у хозяина. В холода он ночевал на кухне, а чуть теплело — перебирался в пристройку, где помещалась мастерская.

Я очень удивился, что Сёмка зовет меня. Как раз накануне мы с ним подрались, и я поставил ему огромный синяк на скуле. Подозревая Сёмку

в зловредных намерениях, я подошел к дверям столярной с опаской.

— Не бойся, иди! — шопотом сказал Сёмка, приоткрывая дверь мастерской. — Чур! Драться не буду. Дело у меня к тебе, Алексей!

— А ты не видал нашего Снежка? — на всякий случай спросил я.

— Иди, иди, прикрой дверь, а то хозяин свет увидит! — Сёмка схватил меня за рукав и почти силой втащил в столярную.

Окно в мастерской было занавешено тряпкой, а на верстаке горела маленькая керосиновая лампочка с треснутым стеклом, заклеенным бумагой. Тут же рядом лежала замусоленная, растрепанная книжка.

— Садись, Алексей! — Сёмка показал на стопку свежеструганных досок. — Только говори потише, а то хозяин услышит, влетит от него, что лампу жгу. Все пожара боится, а мне почитать охота...

Вид у Сёмки был необычный, глаза сверкали, он то и дело шмыгал носом. Я подумал, что он прочел что-то интересное и сейчас будет рассказывать. У Сёмки была прямо страсть к чтению. Книжки он выбирал самые необыкновенные — про сыщиков, гипнотизеров, золотоискателей. Раздобывал он их у сына владельца гостиницы „Меркурий“, долговязого гимназиста Кости. Расплачивался Сёмка за свою любовь к чтению тем, что мастерил Косте деревянные шкатулочки и рамки для фотографий. Тот дарил их своим знакомым барышням. Был этот Костя лентяй и тупица и в каждом классе сидел по два года.

— Алексей! Поклянись, что никому не скажешь... — зашептал Сёмка, поправляя фитиль в лампе.

— Да ты о чем, Сёмка? — удивился я. — Ты сперва скажи.

— Нет! Ты сперва клятву дай по форме.

— А как?

Сёмка любил придумывать замысловатые клятвы, но на этот раз он превзошел себя.

— Говори так, Алексей! Клянусь четырьмя сторонами света и розой ветров, что до самой смерти буду молчать о том, что сейчас услышу...

Я не знал тогда, что такое „роза ветров“, но Сёмку постеснялся спросить. Клятва же мне понравилась. Она звучала таинственно. Подстрекаемый любопытством, я дал клятву по всей форме. Тогда Сёмка полез на четвереньках в угол и вытащил из ящика для инструментов мирно спавшего там Снежка.

— Вот! Получай! Это я его нарочно запрятал, разозлился на тебя здорово! — сказал Сёмка. — Ты не думай, что он голодный, — торопливо добавил он. — Я его кормил.

Я уже сжал кулаки, чтобы отколотить похитителя, но во-время вспомнил про тайну, которую собирался открыть Сёмка. Сёмка же состроил таинственное лицо и сказал торжественным шопотом:

— Алексей! Через три месяца я уезжаю в Америку!

В Америку! Сёмка уезжает в Америку... Сёмка, который не имеет права никуда ходить без ведома своего хозяина, не смеет даже сбегать испугаться в самую невыносимую жару, Сёмка уезжает в Америку...

— Врешь! Сёмка! — решительно заявил я.

Но Сёмка и не подумал смутиться и ошеломил меня новым сообщением:

— Поступлю в ковбой и буду объезжать диких лошадей в прериях! Вот как это! — и он протянул мне книжку, на обложке которой был нарисован

всадник в широкополой шляпе, мчащийся во весь опор на вороной лошади. В руке у всадника было лассо.

— Вот это жизнь! — глаза Сёмки сияли восторгом. — А тут мне никакого интереса нет. С утра до вечера доски стругай да хозяйке в лавочку бегай!

Не стану во всех подробностях описывать весь план сёмкиного бегства в Америку, который он развил передо мной. Он был явно не в ладах с географией, и я принужден был внести существенные поправки в маршрут его путешествия. Припоминаю, например, что он собирался отправиться в Америку через пустыню Сахару, что было совершенно противоестественно для человека, мечтавшего достичь берегов Ноаго Света в наикратчайший срок.

Но главная суть нашего разговора в тот вечер была не в этом. Сёмка был обеспокоен вот чем. Он намеревался в течение двух месяцев, пока он подготовит свой побег, выучить „американский“ язык.

Не без злорадства я сказал, что в Америке говорят не на американском, а на английском языке.

— Не ври! — перебил меня Сёмка и, в подтверждение своей правоты, показал вырезанное из нашей губернской газеты объявление, где сообщалось, что „лица, желающие без посторонней помощи овладеть в совершенстве в течение двух месяцев разговорным американским языком, благоволят обратиться в книжный магазин Сысоева в городе Вологде, где могут за десять рублей приобрести полный самоучитель такого языка“.

Я был посрамлен... Даже больше, я заподозрил в невежестве мою школьную учительницу, рассказывавшую нам об Америке.

— Вот этот самый, ну, как его? Самоучитель я и хочу купить! Алексей! — сказал Сёмка. — Завтра долговязый Костя едет на праздники в Вологду и взялся купить книжку. Только значит...

Тут голос Сёмки дрогнул, и он шмыгнул носом. — Ну, что? — спросил я, уже полный сочувствия к плану Сёмки.

— Только вот... Сёмка тяжело вздохнул. — Невытает четырех рубликов. Шесть рублей есть, а четырех нету...

Сёмка поведал мне, что он потихоньку от хозяина и хозяйки продал на базаре свои сапоги, которые справил месяц тому назад. За сапоги он получил шесть рублей. „Дело к лету, обойдусь без сапог, не барин!“ — сказал он.

— Тебе же хозяин на Пасху должен деньги отдать. Ты сам говорил, — сказал я.

— В том-то и беда, что хозяин в следующую субботу отдаст, когда заказчик с ним рассчитается. У хозяина теперь ни рубля, сам на праздники у лавочника в долг все забрал.

Сёмка по контракту с хозяином жил, как тогда говорили, на готовых харчах, а два раза в год, на Пасху и на Рождество, получал по шести рублей. На эти деньги он справлял себе сапоги (от хозяина ему сапог не полагалось), покупал фунт дешевых конфет и непременно перочинный ножик. Ножички, особенно с несколькими лезвиями, были такой же страстью Сёмки, как и чтение приключенческих рассказов.

И асе-таки Сёмка по сравнению со мной был богачом. У меня за целый год набиралось тогда рубль-полтора. Дома мне не давали ни копейки, а дарил мне эти деньги крестный, сослуживец отца. Был он вдов, и детей у него не было. Но, однако, и эти деньги тратить без ведома отца я не смел. Хранились мои сокровища в особой копилке, и ключ от нее был у отца.

На руках у меня не было и пятачка, но помочь Сёмке мне очень хотелось. К тому же меня соблазняла мысль изучить без всяких учителей за два месяца „американский“ язык.

— А будешь ты мне давать этот самоучитель? — на всякий случай осведомился я у Сёмки.

— Клянусь четырьмя сторонами и розой ветров, Алексей, буду давать! — воскликнул Сёмка. — Только бы деньги сегодня же раздобыть! Костя в восемь утра уезжает. Не принесу до восьми денег на станцию — три года ждать придется... — И Сёмка опять зашмыгал носом.

В самом деле случай был редкий: из нашего города мало кто ездил в Вологду.

Попросить у кого-нибудь займы было дело безнадежное, да и кто бы поверил мне или Сёмке! К тому же необходимо было все дело хранить в строгой тайне от взрослых, чтобы не выдать сёмкиных планов насчет Америки. За такие намерения хозяин непременно вздул бы его или, еще хуже, заявил бы в полицию.

— Вот беда! Через неделю будут деньги... — продолжал жаловаться Сёмка. — А теперь все пропадет. Выучил бы американский и поехал, пока тепло. Зимой-то куда двинешься. В дороге замерзнешь...

Меня все больше и больше одолевало желание помочь Сёмке, но как, как?

— Слушай, Сёмка! — наконец, сказал я, — у меня в копилке есть рубль. Вот только...

— Да что рубль! Не поможет! — махнул он рукой. — Видно на роду мне написано — не бывать в Америке... — и Сёмка, который не плакал даже тогда, когда хозяин в сердцах или под пьяную руку больно рвал ему уши, вдруг заплакал самым жалким образом, как плачут совсем маленькие дети.

Этого я уже выдержать не мог. Я почувствовал к нему такую острую жалость, что был готов в эту минуту на что угодно, только бы помочь

ему. „У бабушки в нижнем ящике комода лежат три рубля. Она должна снести их Храниду за перезаклад отцовских часов двадцатого. Сёмка получит деньги от хозяина раньше... Не позже субботы! — подумал я. — До девятнадцатого бабушка денег не хватит. А что, если?..“ На мгновение мне самому стало жутко от этих мыслей. Ведь деньги были приготовлены на перезаклад отцовских часов. Самой ценной вещи в доме! Но Сёмка продолжал горько плакать:

— Сирота я... Сирота и есть! — сквозь слезы приговаривал он.

В это время бабушка позвала меня ужинать. Схватив Снежка, я шепнул Сёмке:

— погоди, может я принесу деньги. Ты не реви...

После ужина я принес выкраденные из комода три рубля и свою копилку. В столярной с помощью ножа я вытряс из копилки рубль серебром. И три рубля одной зелененькой бумажкой и рубль из копилки я отдал Сёмке а долг...

Так завязался тот узелок, от которого потянулась длинная цепочка моих бед.

В копилку я положил железные кружочки, которыми моя сестра играла „в лавочку“ со своими подругами. Железки заменяли им деньги. Потом поставил копилку на прежнее место на угловую полочку и, сославшись на головную боль, поскорее лег спать. Встревоженная мать подошла к сундуку, на котором я всегда спал, и пощупала мне лоб: нет ли жара.

— Алёша, ты не бегай на улицу в одной рубашке, весна такая холодная нынче, — сказала она, тихонько погладив меня.

Это ласковое прикосновение и тревога матери были мне сейчас неприятны, и я ответил:

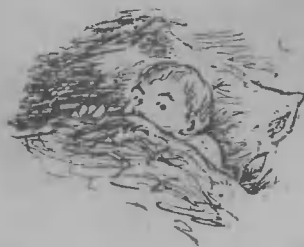
— Не мешайте! Спать хочу.

Я закрылся с головой одеялом и сделал вид, что сплю. На душе у меня было нехорошо, мутно. Услышав, как бабушка сказала отцу: „Надо бы Алёше к празднику сапоги купить новые“, я pokrылся холодным потом. А вдруг сейчас бабушка полезет в комод за деньгами? И только тогда, когда отец ответил: „Не до сапог сейчас, купим, как училище кончит“, у меня отлегло от сердца. О новых сапогах я мечтал давно, но теперь этот разговор не только не радовал меня, но, наоборот, пугал.

Ночью мне приснилось, что Снежок опять пропал, и мать находит его в моей копилке. Котенок жалобно мяучит, а отца нет дома, и открыть копилку нельзя. Мать плачет, она боится, что Снежок задохнется в копилке и просит меня побежать к отцу за ключом. А я, вместо того, чтобы идти на почту, почему-то оказываюсь в столярной, и мы с Сёмкой играем в „ножички“. Вдруг я слышу крик матери, бегу домой и узнаю, что Снежок задохся. Тут я проснулся от стука, — это бабушка выставляла зимнюю раму — и обрадовался, что уже утро, что мой сон прервался...

К вечеру сестренка обнаружила пропажу своих железных кружочков, и бабушка долго искала их, думая, что нечаянно засунула их куда-нибудь во время предпраздничной уборки. Опять я со страхом ждал — не полезла бы бабушка в нижний ящик комода, откуда я взял три рубля.

Между тем, Сёмка рано утром сбегал на станцию (станция была в двух верстах от города) и вручил долговязому гимназисту деньги на покупку самоучителя. Костя обещал через неделю привезти книжку из Вологды и поклонялся Сёмке, что никому не разболтает об этом. Он еще раньше меня был

посвящен Сёмкой в план бегства в Америку и поступления в ковбой.

А я потерял покой. Мне казалось, что вот-вот мое преступление обнаружат. В первый день Пасхи в гости пришел мой крестный. Похристосовавшись со мной, он велел мне принести мою копилку. Я растерянно заметался по комнате, дрожа от страха, что сейчас он заметит подлог.

Когда крестный тряхнул поданную мною копилку и железные кружочки глухо забренчали, я весь покрылся потом.

— Вот тебе, крестник, полтинник, а как экзамен сдашь и училище кончишь, — получишь настоящий подарок. Какой — не скажу пока, но доволен будешь.

Опущенный им полтинник звякнул. Этот звук, как фальшивая нота, резнул мой слух. Я даже позабыл поблагодарить крестного. Только сердитый окрик отца — „невежа“ — напомнил мне об этом.

(Продолжение следует)

Наши школьные дела

На лыжах

Многие ребята нашего класса — неплохие лыжники. Поэтому все мы с нетерпением ждали первого снега, когда можно будет поехать за город покататься на лыжах.

Однажды вечером ко мне пришел мой приятель Толя Струков и сказал, что выпало много снега и можно вставать на лыжи.

Это было в пятницу. Больше всего мы боялись, что за субботу снег растает. Но на наше счастье ударил мороз.

В субботу после занятий мы договорились еще с четырьмя учениками нашего класса и решили завтра, в выходной, с утра поехать в Озерки. Мы проверили лыжи, крепления, подогнали ремни. У Юры и Изи ремни пересохли, и они смастерили новые крепления. Мы смазали лыжи воском, чтобы они лучше скользили.

В 8 часов утра мы вшестером, с лыжами в руках, с легкими рюкзаками за спиной сели в трамвай.

Через полчаса мы были уже в Озерках, встали на лыжи и направились в Удельный парк. В парке тихо. Не шелохнувшись стоят засыпанные снегом деревья. Лыжи скользят легко, чуть поскрипывая.

В парке мы сделали привал, закусили.

Потом затеяли игру — воткнули лыжные палки в снег „воротиками“ и на всем ходу, с горы, проезжали под „воротами“. Это совсем не так просто — на всем ходу проскочить под ними. Разогнавшись, надо низко пригнуться и проскользнуть как раз в ворота, а они ведь не очень широкие.

Понятно, что у нас не обошлось и без приключений. Изя наткнулся на дерево и сломал лыжу. Юра и Лёня забрели далеко в парк, и мы долго не могли найти их. И только когда стемнело, мы поехали домой.

На другой день в классе только и было разговоров, что о нашей лыжной прогулке. Поехать за город захотели сразу все. Конечно, мы еще раз поедem в Озерки — теперь всем классом.

На агитпункте

Некоторые девочки нашей школы помогают работе агитпункта. И я вместе с моими подругами много времени провожу на агитпункте 7-го избирательного участка Дзержинского района.

Зайдите в наш агитпункт по улице Чайковского № 69. Вас встретят и покажут дорогу яркие стрелки-указатели. Эти стрелки сделали мы.

В комнате агитпункта мы помогали расставлять шкафы, диваны и столы, повесили шторы. Художницы нашего класса принесли краски, карандаши и разноцветную бумагу, — они написали лозунги и плакаты и повесили их на стены, рядом с портретами Ленина и Сталина. Устроили выставку — „Что нужно прочитать избирателю?“. В нашей школьной библиотеке нам помогли подобрать для выставки интересные книги и брошюры. В школьном коридоре стоял большой деревянный щит. Мы притащили из дому санки, погрузили на них щит и привезли его в агитпункт. К щиту мы приклеили много бумажных кармашков. Под каждым кармашком написали заглавие книги и о чем в ней рассказывается, а в кармашки вложили книги.

Директор нашей школы Евгения Матвеевна Дядякина недавно делала в агитпункте доклад о работе нашей школы, а мы выступали перед избирателями со своей самостоятельностью. Мои подруги читали стихи, танцевали. Я спела две песни. А потом мы все вместе прочитали лит-монтаж „Победа“.

Ученицы старших классов помогают составлять списки избирателей. Нас к этим спискам не допускают, говорят, что мы еще маленькие. Это, конечно, обидно. Но и нам работы хватает. В агитпункте часто заонит телефон. „Пришлите связиста“, просит управхоз. Связисты — это мы, и вот мы идем по квартирам и предупреждаем жильцов, что сегодня в агитпункте доклад или кино.

Работы много, и все наши девочки горды тем, что участвуют в подготовке к выборам в Верховный Совет.

Коля Гоголь, уч. 6-го класса 314 школы
Фрунзенского района.

Тася Егорова, ученица 4-6 класса. 188 школы
Дзержинского района.

★

ДЖОНАТАН СВИФТ

1667—1745 гг.

(К двухсотлетию со дня смерти)

Гениальный английский писатель Джонатан Свифт, автор знаменитого романа „Путешествия Гулливера“, прожил долгую и тревожную жизнь, такую же удивительную и неповторимую, как приключения героя его фантастического романа „Путешествия Гулливера“.

Отец будущего писателя, молодой англичанин Свифт, в поисках заработка переехал со своей женой в Ирландию. Но вскоре он умер, так и не увидев сына, который родился через несколько месяцев.

В детстве Джонатан Свифт испытал нужду и лишения, долгие годы жил на скудные подаяния богатых родственников, в разлуке с любимой матерью. После окончания школы четырнадцатилетний Свифт поступил в Дублинский университет. Молодой Свифт, остроумный и язвительный, был нелюдям и заносчив. Он часто пропускал молитвы и получал за это бесконечные взыскания.

В 1686 году Свифт окончил университет и уехал к матери в Англию. После долгих хлопот он пристроился секретарем отставного вельможи Вильяма Тэмпли.

Бывший министр, любитель литературы и цветов, Вильям Темпл радушно принимал в своем поместье гостей, приезжавших к нему из Лондона. Свифту трудно было привыкнуть к капризам скупающего богача, и они вскоре расстались, но лучшей службы Свифт не нашел и снова вернулся к Тэмплю. На этот раз вельможа внимательнее отнесся к своему секретарю. Он стал подолгу беседовать со Свифтом, знакомил его с друзьями. Честолюбивый Свифт решил во что бы то ни стало добиться высокого положения в обществе.

В 1692 году он защитил диссертацию на степень магистра и занял должность священника. Он надеялся, что духовное звание сделает его уважаемым человеком.

После нескольких лет службы у Тэмпли, Свифту пришлось выполнять скучные обязанности деревенского священника и произносить воскресные проповеди перед десятком обывателей, ко-

торые были неспособны оценить его красноречие и остроумие.

Ирландия была страной отсталой и бедной, целиком зависимой от Англии. Население платило непомерные подати и жило в нищете. Свифту, как священнику, приходилось много путешествовать пешком по стране. Он увидел, как живут ирландцы, и полюбил их. Вместе с тем Свифт жадно ловил политические новости, шедшие из Англии, и поддерживал связи с влиятельными друзьями Тэмпли.

Свифт понимал, что единственное оружие, которое поможет ему пробить дорогу, — его острое перо. Свой литературный талант он направил на защиту вигов — партии, требовавшей развития промышленности и торговли. Не подписывая своего имени, Свифт издал несколько остроумных сочинений — памфлетов, где высмеивал противников и доказывал правоту вигов. Эти памфлеты имели большой успех и оказали вигам серьезную помощь. Виги старались разыскать своего неизвестного союзника, но Свифт до поры до времени предпочитал держаться в тени.

Он бродил по тесным лондонским улицам, заходил в кофейню, где собирались лондонские литераторы, молча пил саю кофе и слушал последние новости. Изредка этот угрюмый человек в черной сутане священника вмешивался в разговор и рассыпал мимоходом такие остроты и каламбуры, что посетители кофейни замолкали, стараясь не проронить ни одной шутки.

В 1704 году Свифт опубликовал сатирическую книгу „Сказка бочки“. Само название — английское народное выражение, имеющее смысл: гоаорить чепуху, молоть вздор. Беспощадно и жестоко он высмеивал в ней всякое проявление человеческой глупости — бесплодные религиозные споры, сочинения бездарных писателей и критиков, лесть, низкопоклонство. Чтобы избавить страну от безнадежных глупцов, Свифт предлагал поискать в сумасшедшем доме — Бедламе — людей со светлым умом, достойных занять различные государственные и военные должности.

„Сказку бочки“ покупали нарасхват, но никто не знал, кто ее автор. В конце концов Свифт признался, что он написал и эту нашумевшую книгу и много других изданных ранее анонимных — выпущенных без имени автора — памфлетов. После этого, он вошел на правах равного в круг лучших литераторов и художников. Теперь у Свифта началась странная двойная жизнь: в Ирландии он оставался скромным деревенским священником, в Лондоне он превращался в знаменитого писателя.

Шли годы. На английский престол вступила королева Анна. Англия уже несколько лет воевала против Франции, и войну умышленно затягивали, так как это приносило богатство нескольким влиятельным вельможам.

Влияние и известность Свифта бесконечно возросли. Перед ним заискивали министры, его приглашали во дворцы, устраивали в его честь роскошные приемы, старались заручиться его поддержкой.

Свифт не извлекал из своего положения никаких выгод для себя. Он только хотел, чтобы политика государства велась разумно, не ради выгоды отдельных правителей, а во имя интересов всего государства в целом. Он упорно добивался скорейшего окончания разорительной войны, чтобы облегчить тем самым положение народа.

Свифт писал множество памфлетов, в них он разоблачал злоупотребления тех вельмож, которые затягивали войну. Слова Свифта нашли горячий отклик в народе. Не без его влияния был

заключен мирный договор с Францией. Свифт был назначен настоятелем Дублинского собора.

Когда в 1714 году королева Анна неожиданно умерла, при новом короле — Георге I усилились распри между министрами.

Свифт видел, как одни короли сменялись другими, как министры интриговали друг против друга, потом слетали со своих постов и заменялись новыми, а положение народа оставалось таким же безотрадным. Свифт понимал, что как бы ни было велико его влияние, он не в силах помочь народу. Тогда Свифт решил уйти от политики и навсегда переселился в Дублин.

С 1715 по 1723 год Свифт почти безвыездно жил в Дублине и только на пятьдесят восьмом году жизни он опять вернулся к общественной борьбе. На этот раз Свифт обратил всю силу своего гнева и таланта на защиту ирландского народа.

Английское правительство разрешило ловкому мошеннику Вуду чеканить разменную монету для Ирландии. Вуд стал изготавливать такую недоброкачественную монету, что ирландцы отказывались ее принимать. Тогда Свифт обратился к народу якобы от лица дублинского суконщика с рядом „Писем“. В них он описал ужасающую бедность и нищету ирландцев, напоминал, что никому не дано права посягать на старинные ирландские вольности, и призывал ирландцев к борьбе за их человеческие права и достоинство. „Вы являетесь и должны быть таким же свободным народом, как ваши братья в Англии“, — внушал Свифт ирландцам. Он начал с разоблачения мошенника Вуда и кончил призывом к восстанию против английского владычества.

„Письма суконщика“ достигли своей цели. Английскому правительству пришлось изъять из обращения фальшивую монету Вуда. Все в Ирландии знали, кто автор „Писем суконщика“, но когда правительство решилось привлечь Свифта к суду и объявило 300 фунтов награды тому, кто укажет автора „Писем суконщика“, не нашлось ни одного ирландца, который позарился бы на эти деньги. Когда премьер-министр распорядился арестовать Свифта и доставить его в Лондон, из Ирландии пришел ответ: „Чтобы арестовать Свифта, нужно десять тысяч солдат“.

Замкнутый и суровый Свифт стал любимцем ирландского народа. Его охранял специальный отряд, и на улицах его встречали тысячами добрых пожеланий и приветствий. „Письма суконщика“ пробудили дух сопротивления и вдохновляли ирландцев на борьбу за свою независимость.

Главный труд своей жизни, роман „Путешествия Гулливера“, как и все другие произведения, Свифт выпустил анонимно и признал свое авторство лишь после того, как „Путешествия“ были уже несколько раз переизданы и зачитывались чуть ли не до дыр.

Роман увлек читателей неслыханными приключениями Гулливера в странах лилипутов и великанов, лапуян и гуингмов. Только наиболее проницательные из современников догадывались, что в этой забавной, фантастической истории содержится глубочайший смысл, скрыта злая издевка на существующие порядки, законы, нравы и политику.

Первые необычайные приключения Гулливера происходят в стране лилипутов. Гулливер в двенадцать раз больше лилипутов. Свифт точно вычислил все соотношения между великаном-

Гулливером и царством лилипутов и изобразил их настолько убедительно, что некоторые читатели того времени приняли эту сказку за чистую монету.

Ничтожные смешные лилипуты оказались тщеславным и себялюбивым народом. Они больше всего ценили богатство, чины и знаки отличия, как это Гулливер наблюдал у себя на родине. Лилипуты ссорились, сплетничали, интриговали, вели междоусобные войны. У них существовали политические партии. Одна стояла за то, что яйца нужно разбивать с тупого конца, а другая утверждала обратное. Читатели без труда угадывали здесь изображение бесплодных религиозных споров.

Все человеческие отношения, которые в действительности представляются значительными и даже грандиозными, в романе Свифта показаны в микроскопическом масштабе и поэтому кажутся смешными и жалкими. Читателей забавляли причудливые похождения Гулливера и, сами того не сознавая, они смеялись над недостатками и пороками современной Англии.

Во время второго путешествия Гулливер попал в страну великанов, которые были в двенадцать раз больше человеческого роста. Таким образом сам Гулливер превратился у великанов в лилипута и благодаря своему крохотному росту претерпел много всяких неприятностей. Королю великанов, к которому попал Гулливер, рассказ о жизни крохотных козляков, называющих себя людьми, показался смешным, а обычаи людей — жалкими и суетными, как самому Гулливеру — жизнь лилипутов.

В третьей части романа Гулливер попадает в Лапуту — страну ученых. Прославленные ученые необыкновенно рассеяны и задумчивы, и каждый из них занят разрешением сложного „научного“ вопроса, например, пережиганием льда в порох, способом постройки домов, начиная не с фундамента, а с крыши, и так далее.

Эти „ученые“ напоминают некоторых современников Свифта, в научных работах которых встречалось немало пережитков бесплодной средневековой премудрости. Поэтому Свифт так беспощадно осмеял современную ему науку.

И в других странах, куда попадал Гулливер, он находил смешные нелепости, за которыми скрывались намеки на действительные события и реальных лиц того времени.

Наконец, в последней четвертой части романа описано посещение Гулливером страны гуингмов — лошадей, наделенных человеческим разумом и заставивших работать на себя жалкие человекоподобные существа йэху. Здесь разочарованный и усталый Свифт зло и остроумно доказывает своим соотечественникам, что жизнь устроена бесчеловечно, безобразно, несправедливо.

„Путешествия Гулливера“ завоевали мировую известность и обессмертили имя Свифта. В этом произведении его огромный сатирический талант достигает такой силы, какой обладали лишь немногие писатели мира.

Свифт умер на 78 году жизни. В своем завещании он просил похоронить его в Дублинском соборе. На его могиле была выгравирована им самим составленная надпись: „Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этой кафедральной церкви, и суровое негодование уже не раздражает здесь его сердце. Пройди, путник, и подражай, если можешь, ревностному поборнику мужественной Свободы“.

Е. Брандис

на родине ФУТБОЛА

Мастер спорта В. Лемешев

Мы, советские футболисты, очень серьезно готовились к поездке в Англию — на родину футбола. Никогда в истории футбола, — а она насчитывает больше семи веков, — англичане не проигрывали на своих стадионах ни одного матча иностранным командам. Тридцать четыре года назад английские футболисты приезжали в Петербург, где играли с лучшими русскими футболистами и легко одержали несколько побед с громадным „сухим“ счетом.

Вполне понятно, что все мы — и наш тренер М. Якушин, и его помощник Е. Фокин, и руководитель делегации К. Андрианов, и врач команды, и сопровождавшие нас кинооператоры, и радиореporter В. Синявский очень волновались, когда ранним утром 4 ноября два самолета оторвались от земли московского аэродрома и понесли нас к берегам Великобритании.

Короткая остановка в Берлине и вот, наконец, Англия, Лондон!

Встречали нас на аэродроме представители нашего посольства и несколько корреспондентов.

У „Королевских казарм“, где живет дворцовая охрана, нас окружила толпа репортеров. Они запылали нас всевозможными вопросами, даже спрашивали, почему мы, динамовцы, в темных шляпах, или почему у всех темные плащи.

Британская футбольная ассоциация настаивала, чтобы первый матч состоялся сразу — через день-два после нашего приезда, но мы на это не согласились и решили выступать только через восемь дней: нам надо было потренироваться на новом спортивном поле и, наконец, взглянуть на игру англичан.

Не теряя времени, мы в первый же день отправились на стадион клуба „Челси“. Но там разрешали тренироваться только в спортивных туфлях, чтобы бутцами не испортить поле. Мы перенесли тренировки на другой стадион, где футбольное поле оказалось отличного качества, и можно было бегать в бутцах.

Посмотреть наши тренировки приходили корреспонденты разных газет. Многим из них наша игра не понравилась, и они писали в газетах, что „Динамо“ — самая обыкновенная команда, что англичане не раз видели лучших футболистов.

Некоторые лондонские журналисты даже иронически писали о нас, как о „таинственных, молчаливых фигурах в темных плащах“. Правда, довольно быстро они изменили мнение о мастерах советского футбола...

10-го ноября мы впервые смотрели, как играют англичане команда „Челси“ выступала против „Бирмингема“. Мы увидели, что техника игры англичан лучше нашей, но зато наши футболисты гораздо подвижнее и обладают более совершенной тактикой. Мы поняли, что играть с англичанами можно, и не без успеха.

Наконец, наступил день первого матча.

Сначала нашим футболистам трудно было освоиться с игрой англичан, может быть потому, что все мы немного волновались. Англичане блеснули своей техникой, но переиграть советских футболистов им не удалось. В первом тайме они забили два мяча в наши ворота, но это произошло только из-за ошибок наших игроков.

Темп матча англичане предложили исключительно быстрый, но затем сами же его не выдержали. Во втором хавтайме наша команда играла гораздо уверенней, и мы уже почувствовали свое преимущество

Как вы знаете, этот матч закончился вничью. Но многие зрители, сочувствовавшие советским футболистам, остались недовольны динамовцы имели полную возможность выиграть матч у знаменитой лондонской команды.

Такой результат встречи „Челси“ с советскими футболистами оказался неожиданностью для англичан. С этого дня корреспонденты самых разных английских газет

и журналов не давали нам проходу. Стоило нам прийти в театр, как кто-нибудь из англичан выходил на сцену и объявлял, что в зале находятся советские футболисты. Все присутствующие устраивали бурную овацию, оркестр исполнял гимн Советского Союза. Если бывало известно заранее, что мы придем в театр, то в зрительном зале вывешивался советский государственный флаг. Часто на улице, в кино, в гостинице наших игроков останавливали и приветствовали; не было отбоя от поклонников, просивших автографы. В лондонских газетах и журналах появлялись фотографии наших товарищей, снятых в самых неожиданных местах. В газетах можно было увидеть Хомича — в театре, Бескова — на улице, Боброва — на тренировке.

15-го ноября мы приехали в Кардиф. В Кардифе нас встретили уже с большим уважением, чем в Лондоне, и немедленно повезли в лучшую гостиницу. Полисмены не без труда проложили нам путь среди толпы любопытных. Всем хотелось посмотреть на советских спортсменов.

Свободные минуты мы уделили осмотру города: побывали в угольных шахтах, осмотрели доки. Нескольких членов команды принял мэр города Кардиф.

Матча советских футболистов с клубом „Кардиф“ англичане ждали с большим нетерпением. Кардифцы по возрасту моложе игроков „Челси“, играют энергичнее, напористее, и англичане рассчитывали на выигрыш.

И верно, в первые минуты игры преимущество было на стороне англичан, но успеха они так и не добились. Правда, и нам не удалось взять полностью инициативу в свои руки, но зато наши нападающие хорошо использовали ошибки противника. Первая половина матча закончилась со счетом 3:0 в нашу пользу.

Во втором тайме кардифцы не выдержали темпа и „сдались без боя“. Наблюдая за полем, можно было подумать, что это не матч, а тренировка в одни ворота! Тут уже уэльсцы „болели“ не за выигрыш своей команды, а за то, чтобы клубу „Кардиф“ удалось уйти от сухого счета. Позора они избежали: матч закончился со счетом 10:1 в нашу пользу. Зрители очень долго и очень бурно приветствовали нас, спортсменов Советского Союза.

После приема у мэра, мы присутствовали на концерте, где для нас исполнялись даже русские песни.

Третья наша встреча состоялась с неоднократным чемпионом мира, знаменитым лондонским клубом „Арсенал“. На этот раз его команда была усилена лучшими игроками других спортивных клубов.

Наблюдать за этой игрой было невозможно: стоял густой туман, в десяти метрах нельзя было ничего рассмотреть. Только в те моменты, когда по стадиону прокатывался невообразимый рёв, делалось понятным, что мяч попал в ворота. В день матча лондонцы шутили, что никогда им еще не приходилось платить за то, чтобы по-

смотреть на туман. Но и эта встреча закончилась нашей победой со счетом 4:3. Англичане должны были окончательно признать, что им пришлось иметь дело с очень сильной командой.

Перед отъездом из Англии советские футболисты выступали в Шотландии, в Глазго. Это была, пожалуй, для нас самая трудная игра. В-первых, шотландцы сами соперничают с англичанами и стремятся доказать свое превосходство. Во-вторых, это было последнее наше выступление в Великобритании, и понятно, что англичане не хотели отпустить нас без поражения.

В-третьих, футболисты „Глазго-Рейнджерс“ учли недостатки английских команд, выявившиеся после первых трех встреч с москвичами, и сумели перестроить тактику своей игры.

Шотландцы в защите играют подвижнее англичан, во всех линиях — гораздо быстрее и резче. Правда, их техника менее совершенна, но выступать против них очень трудно.

Огромный стадион был переполнен. Нас встречали торжественно. На вокзале нас ждал сам мэр города Глазго со всеми знаками своего высокого положения...

Игра, как и предполагали, была очень напряженной. Первая половина проходила довольно ровно и закончилась со счетом 2:1 в нашу пользу. Один гол шотландцы забили только благодаря ошибке нашей защиты и вратаря.

Во второй половине матча шотландцы играли иначе. Они убедились, что матч им не выиграть, и стали играть очень резко, даже грубо. На стадионе стоял непрерывный рев. Все присутствующие кричали, стучали ногами, свистели. Англичане принимают все перипетии футбольного матча очень близко к сердцу... Крики и рев раздаются по любым причинам и даже без причин; часто нельзя понять, почему зрители бушуют: от радости или огорчения. Невообразимый шум поднимается, когда мяч залетает в сетку английских ворот, и когда Хомич берет трудный мяч, и когда

кто-либо из британских нападающих несется с мячом по краю поля к нашим воротам...

Не обходилось на матчах и без происшествий на самих трибунах. Во время матча с „Челси“ стадион был так переполнен, что один „болельщик“, забравшийся на стеклянную крышу стадиона, проломил ее и свалился на головы стоявших внизу. В Глазго я сам насчитал несколько десятков зрителей, которых вынесли со стадиона, так как они получили повреждения, хотя и не участвовали в игре!

Игра в Глазго закончилась вничью.

Из четырех встреч с англичанами динамовцы выиграли две и две сыграли вничью.

Об игре советских футболистов в английской прессе писали много и восторженно. Например, известный английский футболист Чарльз Бэкон после матча с „Арсеналом“ заявил в „Ньюс Кроникл“: „Русские оказались достойными победы“.

Особенно понравилась англичанам игра Хомича, Боброва и Бескова. Почетный член клуба „Челси“ первый лорд Адмиралтейства г-н Александер на торжественном обеде в клубе после матча заявил, что если б он мог, то „не выпустил бы из Англии этих игроков“.

Ехали мы в Великобританию с предчувствием очень опасных и трудных встреч: ведь британские футболисты известны, как одни из лучших в мире. Теперь мы знаем: советские мастера футбола могут успешно состязаться с англичанами.

Техника футбола в Великобритании очень высока, а тактика устарела. Англичане, например, слишком сильно „прикованы“ к своим местам. Защита у британцев гораздо слабее нападения. Они играют так: кто больше забьет...

Мы думаем, что эта встреча пойдет на пользу и нам и англичанам. Англичане постараются изменить тактику, а мы перейдем их богатый опыт.

Записали А. Клячкин и И. Шульман

МАСКАРАД

С. Погореловский.

Маскарад! Маскарад!
Закружились маски,
Скачет волк среди зайчат,
Как в старинной сказке.

Ну-ка, ряженный народ,
Громче, громче хлопай!
Гулливер плясать идет
С нашим дядей Степой!

На веселье поглядеть
Вышел из берлоги,
Пляшет русского медведь,
Отдавил всем ноги!

Он лисичку подхватил,
С нею в пляс помчался,
Вдруг на хвост ей наступил,—
Хвост и оторвался!

Пляшет с негром эскимос,
Бабочка — с пчелою,
Скачет дедушка Мороз
С бабушкой Ягою.

Все смеются, все шумят,
Все несутся в пляске...
Маскарад! Маскарад!
Все кругом — как в сказке!

ОСЬКИН АРГИШ¹

С. Залыгин

Рис. Н. Муратова

На пятый день пути старый Ного не мог сидеть на нартах. Он не ругал больше злого духа, напустившего на него болезнь. Он покорился и лег на нарты плашмя.

Когда же Оська останавливал обоз и подходил к Ного, старик повторял:

— Однако, помирать буду.

Сначала Оська не беспокоился. Но когда старик даже потерял хорей, деревянный шест, им погоняют оленей, Оська поверил:

— Вправду, болеет! Худо... Совсем худо.

Дороги в Сале-Хард Оська не знает, — ни разу там не был. Люди говорят: вдоль горного берега Оби поедешь, — приедешь в город. А в городе тесно: среди домов заблудишься и комбинат, куда нужно сдать мясо, не найдешь.

В обозе два аргиша: Оськин и Ного. В каждом аргише по пятнадцать оленей и еще четыре запасных.

Оленей надо кормить, караулить от волков, распрягать, а труднее всего, — после ловить и запрягать. Взрослый и то не управится.

До фактории доедет Оська, там люди посоветуют, как быть.

Но, как на зло, в фактории не оказалось оленщиков: дело к весне, скоро кочевать за Урал, на берег моря. Каждый год оленщики кочуют. Летом мошка не дает житья в лесу ни оленю, ни человеку. Нужно уезжать на берег холодной Байдарацкой губы, где ветер разгоняет мошку.

Оська сидел в чуме — так на севере называют юрты — в эту пору единственном на всей фактории. Хозяевами здесь были две женщины: одна пожилая, другая — ее дочь с маленьким ребенком на руках, завернутым в оленью шкуру. Пожилую звали Сахэ, а молодую — по-русски — Анной. Женщины возили почту на соседнюю факторию. Старого Ного они сдали фельдшеру, у которого был еще один больной ненец, тоже старик.

Железная печка раскалилась докрасна, и Оська отогревал на ней хлеб: на морозе буханка затвердела так, что нож не брал. Над печкой он развесил свои оленьи сапоги, которые не сушил уже несколько дней.

Мясо сварили в большом ведре. Гость и хозяева пили теперь жирный мясной навар с чаем. Хорошо глотать обжигающий душистый жир после четырех ночевок в тундре! Не надо больше одному ехать и ехать, оленей кормить в пути, ночевать с ними в тундре. Не надо ловить и запрягать их голыми руками на холодном ветру. Потом он вспомнил о своей поклаже и спросил:

— Кому бы мясо продать на фактории?

Старуха Сахэ ответила:

— Заготовителя я вчера увезла с почтой. Он будет обратно через три дня, может больше. Живи, гостем будешь.

— Ты сказывал, мясо-то в самый Ленин-Сале? (в Ленинград) — спросила Анна.

— Ага! — отозвался Оська и достал из ведра большой кусок оленины.

— Как же теперь?

— Нельзя одному везти. Кормить, запрягать. В дороге много дней. Кабы попутчик.

¹ Аргиш — обоз из пяти-семи нарт, управляемый одним погонщиком оленей.

Анна долго молчала, покачивая ребенка.

— Слыхал, — сказала она, наконец, — шибко много смерти было в Ленин-Сале?

— Слыхал. Потому и везу.

— Большой народ, — Анна погладила детскую ножку, которая торчала из-под мехового одеяла, — всем мяса нету, хлеба нету. Тебя как звать?

— Оськой.

— Зырянин, что ли?

— Отец — зырянин. Мать — ненец.

— Может, Оська, стерпишь? Поможем. День кормим твоих оленей, ночь кормим. Караулим. Ты в чуме ночуешь. Запряжем втроем — поедешь. Комбинат мясо сдашь — консервы будут.

Оська разбил кость камнем, высосал костный мозг.

— Ладно так. Поеду, — сказал он, наконец, подумав.

— Помогать надо народу.

И вот едет Оська по льду Обской губы, под высоким берегом. Берег слева, справа — белая гладь до самого неба. По склону разбросаны там и здесь искалеченные ветром низкорослые лиственницы, березы. Одни только молодые елочки, спрятавшиеся за буграми, стройны, как зырянские девушки. А дальше — тундра. Плоские сопки, как две капли воды похожие одна на другую.

Олени бегут бодро, дробная стукотня копыт заглушает скрип полозьев по твердому насту. Собака „Бур-Бур“, алая, маленькая, то едет на нартах, то соскочит и по-хозяйски обожит весь обоз. Ветер не сильный, но холодный, северный.

Повернувшись к ветру спиной, Оська удобно пристроился на нартах. Была бы хорошая дорога, да оленей не кормить — ехал бы Оська до самого Ленинграда. Привез бы и сам бы на весах мясо поделил, как продавец в лавке, раздал народу, и шибко все хвалили бы Оську!

До районного поселка Аксарки хорошо было ехать, в каждом поселке помогали и кормить, и караулить оленей, и запрягать. Беда пошла за Аксаркой; люди сказали, что дальше, по берегу, моха нет, надо ехать по верху, тундрой.

Подъем высокий. Тихо, тихо шагают олени. Долго едешь, а дорога-то вот она, под тобой, — значит, все на одном месте. В гору тихо, да без беды. А вот под гору!

На первом же спуске олени понесли, нарты били их по задним ногам. Страшно стало Оське: целый лес оленьих рогов метался вверх и вниз и в сторону, словно олени хотели насмерть забодать друг друга.

На дне оврага и нарты, и красивые туши мяса, и олени — все смешалось в огромный, запутанный клубок. Одна только головная упряжка оськиного аргиша спустилась с горы благополучно.

Оська, растерявшись, ходил вокруг. Как подступиться? Там голова оленя торчит, глаза большие, мигают, а где туловище, где ноги, — и не разберешь: рога запутались, нарты перевернулись...

Думай, не думай, — что-то делать надо. Народ в Ленинграде ждет. От своей упряжки Оська привязал ремень к верхней парте. Потянули олени, — подало! Стал распутываться клубок. То один олень сам поднимется на ноги, отряхнется, то другой. Только две нарты сломались, и один олень совсем задохся. Оська вынул нож и перерезал горло еще теплому оленю: мясо будет. С двух сломанных нарт переложил туши по разным нартам, а к ним привязал по третьему оленю, из запасных.

За этим делом прошел день, а от Аксарки путь сделан не больше десяти верст. Видно, одной кормёжкой теперь уже не обойтись до Сале-Харда.

Двинулся Оська дальше. Теперь на спусках сам шел пешком и осторожно вел свой аргиш, а второй оставлял наверху. А потом поднимался за вторым аргишем. Так проехал ночь и еще день... А тут поднялась пурга. Сначала легкая позёмка потянула,

закурились сопки; потом вихри взметнулись, завывало, загудело, кругом ничего не видно. Олени легли. И Оська лег между двумя крупными оленями. Взял шкуру, подстелил под себя, другой накрылся. За пазуху положил хлеба, мяса кусок: на груди не замерзнет пища, всегда можно поесть. Переждал пургу и снова двинулся в путь...

* * *

Директор комбината, человек небольшого роста, на одежде ряд светлых пуговиц, и говорит такое, что Оська заплакал. Сколько ехал, сколько беды принял, — слезинки не было. А тут слезы потекли сами. Оська уж забыл давно, какие они бывают: теплые, соленные.

Сначала директор говорил хорошо: молодец Оська, один привез сколько мяса! В колхоз напишу и сам тебя премирую. Надо, брат, тебе дать хорошую тужурку, с пуговицами. Вот с такими. И показал на свои. Оська смеялся. А потом...

— Вот что, — сказал директор. — Мы уже сдали мясо для Ленинграда. И теперь будем выпускать рыбные консервы. А мясо твое мы засолим и отправим в Омск.

Сказал так директор, посмотрел на Оську и головой покачал. И потом стал говорить в трубку и звать кого-то.

И, в самом деле, приходит мальчик, засаленный, словно моторист с катера. Директор говорит ему:

— Товарищ Третьяков, видишь, парень плачет?

Третьяков посмотрел на Оську, заулыбался:

— Ну и что же теперь? Похоже, что это вы его, Николай Емельяныч, довели до слез.

А Оське даже не стыдно, до того его обида разбирает, и еще смеются над ним!

— Помочь надо человеку, товарищ Третьяков.

„Жди от такого помощи! Как же!“ — думает Оська.

— Помочь? — спрашивает Третьяков. — А в чем дело-то?

— Вот мясо он привез. Один — десять нарт. Пурга его захватила. В общем, досталось парню. Мясо на консервы колхоз послал, для Ленинграда. А он-то запоздал. Понимаешь? Обидно, ведь, в самом деле, а?

Третьяков сел на стул, посидел молча.

— Для Ленинграда... Да! Подождите, Николай Емельяныч, я сейчас с бригадой посоветуюсь: может быть, мы успеем это

мясо с последней партией приготовить. Я позвоню! — И ушел.

Прошло не так много времени, — зазвонило. Директор прикладывает трубку к уху, слушает. А потом повернулся к Оське:

— Ну, брат, успокойся. Комсомольская бригада взялась, — они сделают. Видел Третьякова? Он бригадир, хоть ему годов всего-то шестнадцать. Ленинградец. Вот. А теперь езжай к своим. Торопись: весна, снег начал таять, а ехать тебе на край света.

Беспокойно Оське: вдруг не сделают консервы для Ленинграда? Посмотреть бы самому, — на завод к Третьякову не пускают. Говорят: жди, он выйдет после работы через эту дверь. И хотя нужно торопиться домой, Оська ждет. Долго ждет. Много вышло в эту дверь народа и много вошло, а Третьякова нет и нет.

Ездовых оленей Оська угнал в совхоз. Там они и останутся до следующей зимы. А одна упряжка в пять оленей, на которой Оська вернется домой, терпеливо лежит у забора. Караулит оленей Бур-Бур: никого близко он не подпустит и не даст оленям уйти.

Когда вышел, наконец, Третьяков, — Оська не заметил. Только видит — спина, — уходит человек. Стой!

Догнал, — в самом деле, Третьяков.

— Ты что? — удивился бригадир, — не уехал?

— Как можно, тебя жду. Мясо-то пошлешь в Ленинград?

— Пошлю. Сам ленинградец.

— Почто долго не выходил?

— Работали.

— Как так: день работал, ночь работал, опять день — смотри солнце-то где?

— Нельзя иначе, раз взялись.

— В Ленинграде жил?

— Там и родился. Знаю его, вот как ты свою тундру.

— Большой город?

— Э, брат, за день на оленях не объедешь!

— О! Ну, прощай! Ленинград будешь жить?

— Весну жду, парохода.

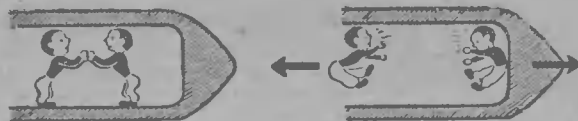
— Тогда будь здоров! Скажи там, надо будет — еще мясо привезем. Прощай!

Оська побежал к упряжке, и олени вскочили на ноги. Стоя на нартах, Оська взмахнул шестом и пронзительно крикнул:

— Хэй!

И только легкое облако снежной пыли осталось там, где нарты, раскатившись, боком ударили в сугроб.

РАКЕТНЫЙ ПОЛЕТ

Так действуют частички газа в ракете.

... Ракета загудела и, сорвавшись со своего места, полетела вверх подобно падающему камню, только в противоположную сторону и в десять раз энергичнее. По истечении одной секунды ракета уже поднялась на пятьдесят метров. Через полминуты она уже на высоте сорока километров, но мы продолжаем ее свободно видеть невооруженным глазом. Она нагрелась добела, и ее предохранительная тугоплавкая и неокисляющаяся оболочка светит, как звезда. Больше минуты продолжается этот звездоносный полет. Затем все понемногу исчезает. Теперь ее можно разглядеть только с помощью телескопа...

Так замечательный русский ученый-самоучка Константин Эдуардович Циолковский представлял себе отлет первых путешественников в далекие неизведанные миры.

Он жил в Калуге, преподавал в гимназии и в свободное время мечтал о полетах на Луну, на Марс, на Венеру. Пусть не сегодня, не завтра, не через десять лет, но люди полетят на соседние планеты. Значит, уже теперь нужно подготавливать эти дерзкие перелеты, разрабатывать конструкции межпланетных кораблей. И для Циолковского мечтать — означало работать, добиваться.

Какие же корабли перенесут людей на соседние планеты?

Многие люди отвечали на этот вопрос по-разному. Знаменитый писатель Жюль Верн в своей книге „Из пушки на Луну“ предложил соорудить гигантскую пушку и выстрелить из нее огромным снарядом, внутри которого находились бы пассажиры.

Кошка прыгнула и оттолкнула стул.
Это проявление силы отдачи.

Но соорудить пушку-великаншу невозможно, а если бы это даже удалось, то ни один пассажир не выдержал бы чудовищной силы толчка в момент выстрела. Нет, проект Жюль Верна явно не годится.

Нельзя было бы воспользоваться и снарядом, который описал писатель Уэллс в своей книге „Первые люди на Луне“. Нельзя изготовить вещество, которое не подчинится силе притяжения Земли.

Циолковский решил, что межпланетный корабль будущего будет ракетой — самодвижущимся снарядом. Сила расширяющихся газов, вырывающихся через отверстия в его оболочке, будет двигать его.

Вы знаете: при выстреле из ружья пуля летит вперед, а сила отдачи толкает приклад ружья назад, в ваше плечо. Ракета — это как бы ружье, вернее, пулемет, который стреляет миллионами миллионов крошечных пуль — частичек газа. А сила отдачи этих „пуль“ и движет ракету вперед.

Сто лет назад англичанин по фамилии Перкинс произвел такой опыт. В полный сосуд, похожий на артиллерийский снаряд, он налил кипяток и отверстие в дне завинтил оловянной пробкой. Свой сосуд ученый поставил на горящий костер. По мере того, как вода превращалась в пар, олово пробки размягчалось. Пар, заключенный в сосуде, давил все сильнее и сильнее — и влево, и вправо, и вверх, и вниз и, наконец, вытолкнул оловянную пробку. В этот самый миг ракета, выбрасывая струю горячего пара, взмыла высоко в воздух. Это произошло потому, что внутреннее давление пара вверх перестало уравновешиваться внутренним давлением аннз.

Именно то, что ракету двигает внутреннее давление пара или других газов, дает возможность ракете летать не только по воздуху, но и в безвоздушном пространстве.

У ракеты много преимуществ: ей не нужны сложные механизмы для взлета, как, например, пушка или катапульта. Ее полет в безвоздушном пространстве несравненно быстрее, потому что ни спереди, ни сзади нет сопротивления воздуха, и поэтому она может одолеть огромные межпланетные пространства.

Ракета — это старинное изобретение человечества. Более двух тысяч лет тому назад ракеты были известны китайцам. Огни фейерверка — это ракеты. И во время салютов, любясь каскадом разноцветных огней, навряд ли задумывались о древности этого изобретения и его огромном будущем...

Вот это изобретение Циолковский задумал применить для межпланетных путешествий. Дело конструкторов приспособить ракету для необычайных полетов в мировом пространстве. Это просто сказать, а как это сделать?

Задумывая межпланетное путешествие, нельзя построить просто гигантскую ракету, а к ней прицепить какое-нибудь сиденье. Конструктор межпланетного корабля должен создать такую огромную ракету-снаряд, которая вместила бы и пассажиров, и груз, и запас горючего. При этом ракета должна быть непроницаемой для жесточайшего холода космических просторов. Все это требовало огромной, сложнейшей работы: изысканий, расчетов, опытов, вычислений. Такая кропотливая работа не под силу одному человеку, ее могут выполнить только сообща люди разных специальностей.

Но в дореволюционные годы Циолковский не находил ни помощи, ни поддержки, ни даже признания. Свои смелые замыслы гениального мечтателя Константин Эдуардович разрабатывал один.

Он работал не покладая рук, хотя и сознавал, что до осуществления его мечты „ой, как далеко“, что пройдут, вероятно, сотни лет, прежде чем высказанные им взгляды найдут применение, и люди воспользуются ими, чтобы расселяться не только по лицу Земли, но и по всей вселенной.

Признание своих идей, необходимую помощь и поддержку Циолковский получил только в советское время. А после его смерти в 1935 году, его ученики и помощники продолжали начатое им дело вплоть до июня 1941 года, когда разразилась Великая Отечественная война.

Война! Она подчинила работу всех ученых одной цели — победе над врагом. Нужно было дать Красной Армии самое совершенное, самое мощное оружие. И ра-

кетная техника стала служить целям войны.

Осветительные, сигнальные, зажигательные ракеты применялись на войне с давних времен, еще в древнем Китае. Однако только в нынешнюю войну с фашистами ракетное оружие стало грозной силой. Советские «гвардейские минометы» или «Катюши» это особые аппараты со снарядами-ракетами. Огонь «Катюши» так яростен, так испепеляющ, что сметает пехоту врага, его укрепления, его технику на земле, на воде и в воздухе. А торпеды-ракеты, вылетающие из-под крыльев самолетов или с палубы катеров, чтобы с невиданной быстротой настигнуть цели...

Ракетные установки появились на боевых самолетах: тяжелым бомбардировщикам они помогают взлетать, истребителям — увеличить скорость полета.

Война дала огромный толчок изобретательской мысли всех воюющих стран. И фашисты к концу войны также изобрели свое ракетное оружие. Предвидя свое неминуемое поражение, фашисты этими бомбами-ракетами «Фау-2» пытались нанести своим противникам как можно больше разрушений.

Узкую, длинную сигару «Фау-2», высотой с трехэтажный дом, весом в тринадцать с половиной тонн, начиненную тонной взрывчатых веществ, забрасывали на высоту ста десяти километров, чтобы она с огромной скоростью — около пяти тысяч километров в час — обрушилась на Лондон. Сила взрыва этой ракеты такова, что первая «Фау-2» в ноябре 1944 года превратила людный перекресток Лондона в груды битого камня, перекрученных стальных рельс, искорверканных балок, под которыми погибло сто семьдесят человек.

Однако эти ракеты не могли изменить хода войны в пользу фашистов. «Фау-2» была слишком сложной, слишком дорогой. Чтобы пролететь двести километров из Голландии в Англию, она за пять минут полета расходовала восемь тонн ценнейшего горючего — спирта и жидкого воздуха. И, кроме того, «Фау-2» нельзя было выпустить точно по цели.

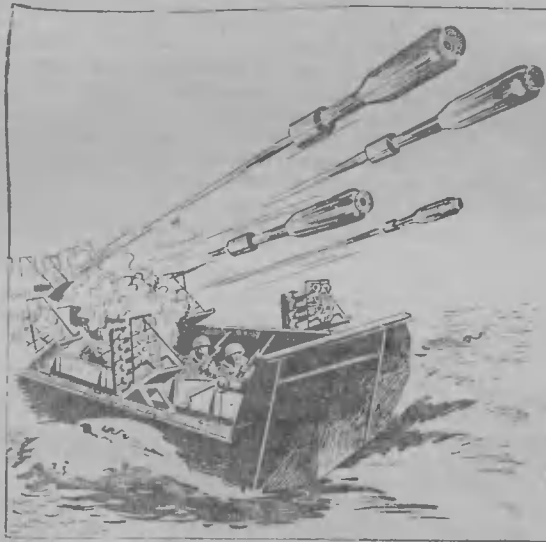
... В годы мирной жизни военные изобретения служат целям мирного труда. В недалеком будущем более совершенные ракеты, экономно расходуя горючее, будут перелетать огромные расстояния в десятки тысяч ки-

лометров, с одного материка на другой, за несколько минут. Ракеты будут доставлять грузы, почту, выполнять поручения ученых — фотографировать за пределами земной атмосферы Солнце и звезды, брать в стратосфере пробы воздуха, изучать теплоту солнечных лучей и производить много разных других работ. Ракетные двигатели будут ускорять бег саней, которые помчатся со скоростью ветра по необозримым снежным просторам наших тундр. Даже ракетные гарпуны в руках китоловов будут помогать охоте на морских животных. А лет через двадцать

раз превосходит силу взрыва динамита, будет использована для полетов ракетных кораблей.

В момент отлета и приземления ракетный корабль будет походить на самолет с крыльями и фюзеляжем. Но за пределами атмосферы он превратится в бескрылый снаряд. В его серебристом корпусе — множество окон, небьющихся и прозрачных, и много отверстий, из которых вырываются газы.

В кабинах будут развешены гамаки для пассажиров. В момент отлета и приземления, когда люди испытают на себе силу притяжения Земли, они будут вдавливаться в растягивающиеся гамаки.

Ракетный залп.

начнут курсировать громадные пассажирские ракетные корабли. Это не будет еще полным осуществлением мечты Циолковского. И вот почему. Прежде чем пуститься в межпланетный перелет, люди должны освоиться с полетами в мировом безвоздушном пространстве с огромной скоростью в десятки тысяч километров в час. Поэтому сначала ракетопланы будут переносить людей с одного материка на другой. Один такой ракетный корабль нарисован на обложке.

В удобных вместительных кораблях-снарядах люди не будут испытывать никаких лишений, хотя их полет будет происходить выше земной атмосферы, в пространстве, где воздух в миллиард раз разреженней, чем на Земле.

Без сомнения, атомная энергия, сила взрыва которой в тысячи

А когда ракетоплан помчится в космосе с быстротой в двадцать тысяч километров в час — люди испытают чувство невесомости. Из окон корабля они увидят ослепительное сияние Солнца и ровный немигающий свет звезд — красноватый, зеленоватый, фиолетовый...

Это будет чудесное путешествие. Из Ленинграда до Владивостока оно займет меньше часа. Оно кажется сейчас фантастическим, а между тем оно выполнимо.

Лет через двадцать эти удивительные небесные экспрессы будут построены и, следовательно, мы приблизимся к осуществлению межпланетных путешествий, о которых мечтал Циолковский, и которые будут осуществлены уже в этом столетии.

А. Антрусин

ШАХМАТНАЯ ЛЕГЕНДА

(из книги „РАССКАЗЫ О БЕЛОМ СЛОНЕ“)

Легенд и преданий, связанных с шахматами, очень много. Вот легенда, приуроченная к одной позиции, встречающейся в старинных шахматных рукописях.

Один восточный повелитель сильно грустил, и все старания придворных развеселить его ни к чему не приводили. Даже шахматная игра, которую царь очень любил, хотя и не был в ней силен, не радовала его.

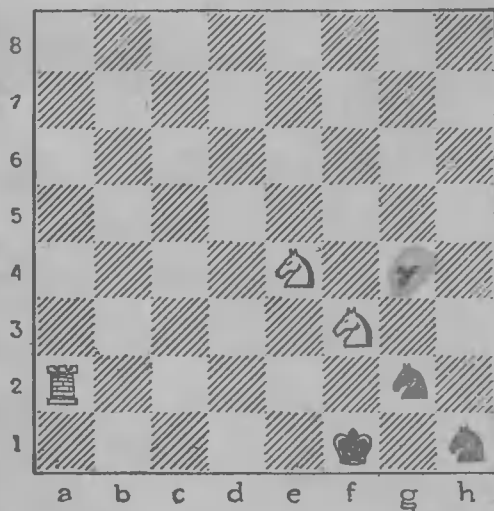
Один странствующий мудрец, узнав об этом, пришел во дворец и заявил, что только он сможет излечить царя от душевного страдания, но для этого надо сыграть в шахматы.

— Приведите ко мне странника и дайте шахматы, — приказал царь, когда ему доложили о странствующем мудреце.

— Взгляни, о повелитель, на доску, — сказал незнакомец, быстро расставляя фигуры.

— Узор расположения фигур изящен, — уныло заметил царь.

— Дело не в узоре, а в том, что белые дают мат черным ровно в два хода: 1. Ла2 — f2 + Kh1:f2; 2. Ke4 — g3 X.

— Красиво. — согласился повелитель. — Но мне веселее не стало!

— Спорю, о царь, что ты не сможешь ни дать мат в два хода за белых, ни сделать ничью за черных.

— Глупости! — рассердился царь. — Никто не равен мне по силе в игре в шахматы. Беру белые, а ты защищайся, если сможешь: матую тебя ровно в два хода!

— Шах взял ладью, — зашептались придворные, — шах играет в шахматы!

— Прости, господин, — сказал странствующий мудрец, — но ты забыл поставить на доску своего короля. Вот, разреши поместить его, — ну, куда бы? Ставлю на g4?

— Это неважно, — ставь на g4. Начинаю! 1. Ла2 — f2 +.

Партнер ответил: 1. Kh1:f2 +. Царь поднял коня, собираясь объявить мат на g3, но мудрец смиренно заметил:

— Твой король, о владыка, под шахом, — ты должен пойти на втором ходу королем, — тебе не удалось дать мат черным ровно в два хода!

— Ты перехитрил меня, — улыбнулся царь, и все приближенные его заволновались: такой редкой гостьей на устах господина была улыбка. — Но так поймать меня, — продолжал он, — можно только раз!

Царь, припоминая позицию, медленно расставлял на доске фигуры, — белого короля он держал в руке. — Где у тебя находился король? Он стоял так, что черный конь с f2 держал его под шахом. Да, точно...

И царь поставил белого короля на h3.

— Только на этот раз я возьму черные, — сказал он, с усмешкой взглянув на мудреца.

— Право выбора всегда за власть имущим, — невозмутимо ответил незнакомец и, взяв ладью, повел ее по второй линии.

На мгновенье ладья задержалась на поле f2, и царь уже было схватил коня h1, радуясь, что сможет объявить шах, но ладья проследовала дальше, столкнула с доски коня g2 и стала на его место: 1. Ла2:g2.

— Шах королю! — воскликнул царь, — 1... Kh1 — f2.

— Мат королю! — ответил мудрец, беря коня ладьей: 2. Lg2:f2 X.

— Ловко! — расхохотался царь, и придворные даже вздрогнули, ибо они совсем отвыкли от смеха своего господина. — Но будь у меня какой-нибудь выжидательный ход, я бы не тронул коня, и у тебя ничего не вышло бы.

— Будь милостив, прими от меня, если тебе угодно, пешку, которой ты сможешь сделать выжидательный ход, — где прикажешь ее поставить?

— Ставь, где тебе заблагорассудится, — последовал ответ, полный царственного великодушия.

Мудрец поставил пешку на c3.

— Начинай! — повелел царь.

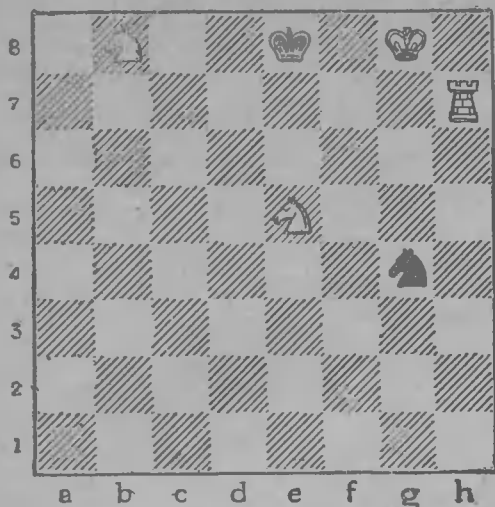
1. Ла2:g2; c3 — c2; 2. Ke4 — d2 X! — Царь в третий раз проиграл спор.

— Ты не согласился бы, чтобы я вот в этой позиции сыграл белыми? — спросил вполголоса царь, желая удивить приближенных своей конечной победой.

— Твое желание — закон, о повелитель, — ответил, низко кланяясь, мудрец, а царь и не заметил, что после этого поклона, такого гибкого, что ему мог позавидовать любой из вельмож, черная пешка переместилась с c3 на c4:

Царь сыграл: 1. Ла2:g2; его партнер ответил: 1. c4 — c3, и царь к своему великому изумлению увидел, что все поля, с которых можно объявить мат — d2, f2 и g3 — находятся под надежной охраной черных фигур, и что ровно в два хода ему короля противника не заматовать.

— Ты не только обыграл сильнейшего, — сказал царь, — ты разогнал мою тоску. Теперь ты

должен посвятить меня в тайны искусства побеждать на шахматной доске!

И на другой день придворным пришлось потратить немало усилий, убеждая повеселевшего царя,

что он действительно самый искусный игрок в шахматы во всем мире.

Эта задача „опубликована“ в шахматной рукописи XIII века. Автор этой рукописи скрылся под псевдонимом „Человек из Болоньи“. Эта средневековая двухходовка является сокращением арабской пятиходовой задачи, встречающейся в восточных рукописях довольно часто.

Эта красивая задача была составлена известным французским шахматистом и поэтом первой половины XIX века — Альфредом де Мюссе.

По фигурам и по идее она напоминает трехходовую задачу. Решение такое: 1. Лh7 — d7! принося ладью в жертву, но угрожая матом: 2. Kg4 — f6 X. Черные вынуждены принять жертву: 1. Kb8 d7. Белые пользуются тем, что свой же конь сделал недоступным для черного короля поле d7 и тихим ходом 2. Ke5 — c6, ставят черных в положение цугуванга — необходимо ходить, а любой ход ведет к поражению, — черный конь должен двигаться, снять защиту с поля f6, и белые дают мат: 3. Kg4 — f6 X.

А. Гербстман

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.		стр.
Памятник Ленину. Расск. Е. Катерли. Рис. Н. Петров	1	Наши школьные дела	21
Солнце, мороз и ветер. Сказка И. Карнаутовой	4	Джонатан Свифт. Е. Брандис. Рис. А. Новикова	22
Николай Тихонов. Очерк Мих. Слонимского	6	На родные футбол. Мастер спорта В. Лемешев	24
Бой с морскими разбойниками. Сказка Радуле Стийенского. Рис. Б. Семенова. Черевел М. Тарловский . .	8	Маскарад. Стих. С. Позореловского	25
Расскажите на пионерском сборе		Осьмин аргиш. Расск. С. Залыгина. Рис. Н. Муратова .	26
О дружбе. Л. Браусевич. Рис. П. Лужанского	10	Ракетный полет. А. Д. Ан приуши	29
Гаргические страницы. И. Иволгин. Рис. Н. Кострова .	12	Шахматная легенда. А. Гербстман	31
Семимильные сапоги. Г. Вабат	13	На Волге. Стих. Б. Шмидта. Рис. Н. Кострова. 2-я стр. обложки	
Русский музей. О. Волнова. Рис. Т. Цинберг	15	Что читать? „Зеленый меч“ Р. Стийенского. 3-я стр. обложки	
Удильный заклад. Повесть Е. Бороной. Рис. Н. Куцова	17	Четырнадцать ошибок. Рис. Б. Семенова. Телет А. Шмудьяна	

На обложке рисунок Н. Полозова — „Ракетный корабль“.

На вклейке рисунок К. Клементьевой „Владимир Ильич Ленин в селе Кокушино“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редколлегия: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Онтябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварт, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Подписано к печати 28/II 1946 г. 4 печ. л. (+1 вклейка). В печ. л. 25 000 тип. зн. Зак. № 73. М 00872. Авт. п. 3,5. Тираж 20000.
2-я фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР

„ЗЕЛЕНЫЙ МЕЧ“

Высоко в безлюдные Ловченские горы поднялся мальчик Тоша. Вокруг него — дремучие леса, над головой — парящие орлы. Тоша — обыкновенный мальчик, и ему страшно.

... „Трснет ветер кудрявые травы — Тоша вадрснет и шаг задержит. Прсплзает змея по дороге — Белый свет перед ним мутится“...

А тут еще начинается гроза. Ни жив, ни мертв, Тоша прячется в дупло векового бука, и кажется ему: не молнии блещут, не вихрь шумит в столетних деревьях, а сражаются два небесных чудовища. Лукавый Див и Огненный Змей с неистовой злобой спорят: кому должен принадлежать волшебный Зеленый меч.

Этот меч в древние времена выковал знаменитый черногорский кузнец Илия, чудесным мечом защищал свою землю могучий юнак Джуро Рашович. Перевелись черногорские богатыри — Зеленый меч отдыхал, не покрываясь ржавчиной, на дне речни. Огненный Змей бесчестно похитил могучее оружие черногорского народа и унес его за облака. И теперь уже Див пытается захватить заповедный меч.

С замиранием сердца следит из дупла мальчик Тоша за страшной битвой. Брызжет кровь, трещат кости, по темному небу проносятся желтые пламя. И вдруг что-то сверкнуло, Тоша не верит своим глазам: Зеленый меч! Во время схватки он выскользнул из лап чудовищ и глубоко вонзился в дерево.

... „До меча дотронулся Тоша, Приобрел великую храбрость, Меч заткнул за широкий пояс И бежал с горы каменистой По тропинке дикою серной“...

Так обладание Зеленым мечом, чудесным творением народа, превратило старшего, основателя рода богатырей, мальчика Тошу в непобедимого юнака Томаша.

Вместе с мечом перешло к Томашу и волшебное свойство: обыкновенный человек принимает его за обыкновенного; владыка разговаривает с ним, как с равным; для медведя — он медведь; для голубя — голубь. Только для заклятого своего врага — Огнен-

Р. Стийенский

Детгиз, 1945 год

ного Змея — невидим Томаш.

Много чудесных дел и славных подвигов совершает благородный юнак во имя своего народа. Обо всем

этом вы сами прочтете. Но помните: ныне черногорский народ свободен. Наяву свершились сказочные подвиги юнака Томаша, сбылись заветные мечты народного поэта Югославии Радуле Стийенского.

Восемнадцать лет прожил в России Радуле Стийенский. Потомку свободолюбивого юнацкого рыцарства, участнику народного восстания 1921 года, бесстрашному партизану, видевшему пещеры, подполья и тюрьмы Цетинье и Белграда, не было места на поработенной черногорской земле. Приговоренный к смертной казни, он бежит в Советский Союз. Здесь он не складывает оружия, он только меняет меч на слово. Партизанские песни, „Черногорские сказки“, автобиографическая повесть „Костер“ (Детиздат, 1941), сказка „Зеленый меч“ — все это проникнуто любовью к своему народу, тревогой за его будущее, страстной борьбой за его счастье. Все герои его произведений — от партизана Ловченских гор до сказочного богатыря Томаша — подлинны борцы за свободу.

Недаром так часто сквозь причудливый вымысел сказок пробиваются мысли современного человека, болеющего душой за судьбу своей родины. В „Зеленом мече“, написанном еще до Великой Отечественной войны, Стийенский говорит:

... „Если ты из великой России, То спасется отечество наше“...

И эти пророческие слова сбылись: великая Россия принесла свободу страдавшим народам Югославии. Радуле Стийенский возвратился, наконец, на родину. Он посетил скалистый утес — Дурмитор. Он весело искупался в синем Адриатическом море — Ядране. В родных Стийенах старые соратники приветствовали его: „Здраво, Радуле“. И как равного равный принял его доблестный маршал Тито: они вместе вели народ к лучезарной свободе.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ОШИБОК

Школьник Боря Потолков
 Был довольно бестолков.
 Он рисунок этот сложный
 Две недели рисовал

И, как опытный художник,
 Он принес его в журнал.
 В том, что сделал тут Борис,
 Ты, читатель, разберись.